

ДРЕВНИЙ АМУЛЬ
проблемы истории
и культуры
Средней Амударьи

www.tabarestan.info
تبرستان

ТУРКМЕНИСТАН
ХЯКИМЛИК ЛЕБАПСКОГО ВЕЛАЯТА

Ученый совет по проблемам изучения, сохранения
и использования памятников истории и культуры

Академия наук Туркменистана
Институт истории им. Ш. Батырова
Среднеамударьинская археологическая экспедиция

Туркменский государственный педагогический
институт им. С. Сейди.
Кафедра истории

ДРЕВНИЙ АМУЛЬ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АМУДАРЬИ

(Тезисы)

докладов Международного научного симпозиума
Чарджев, 1—3 октября 1993 г.

Чарджев — 1993 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. В. Атамамедов — член-корреспондент АН Туркменистана (Главный редактор),

А. А. Бурханов — кандидат исторических наук, (заместитель главного редактора).

В. М. Массон — член-корреспондент АН Туркменистана и академик РИАН,

Б. Я. Ставиский — академик РАЕН и РНАН,

А. К. Кулиев — доктор исторических наук,

Ч. Т. Рустамова — кандидат философских наук,

Дж. Р. Розиев — заслуженный работник культуры Туркменистана.

Председатель оргкомитета симпозиума и ответственный за выпуск — Т. А. Юсупова, заместитель хакима Лебапского ваялата Туркменистана.

Основные вопросы и проблемы изучения, сохранения и использования исторического наследия Лебапского ваялата

Т. А. ЮСУПОВА.

Лебапский ваялат имеет многовековую историю, свидетелями которой являются сохранившиеся здесь многочисленные археологические и архитектурные памятники — остатки бывших городов, крепостей и караван-сараяв.

На старом караванном пути лежит селение Астана-Баба, в котором находится мавзолей, построенный еще в XI—XII веках.

Два с половиной столетия отделяют нас от той эпохи, когда жил и творил великий Махтумкули. Предания повествуют о том, что Махтумкули останавливался в Эсенменгли, (нынешний Халачский этрап), где теперь находится памятник — медресе Идрис-Баба. В Дарган-Ате сохранился замечательный архитектурный памятник XII века караван-сарай Дая-Хатын.

На сегодняшний день в ваялате зарегистрировано 300 памятников истории и культуры, из которых более 50 представляют интерес для ученых.

Известно, что проблемы улучшения охраны и сохранения памятников трудно решить, если не организовать вокруг них хорошую пропагандистко-разъяснительную работу. К сожалению, еще не все люди ясно представляют себе значение и ценность культурного наследия, которым мы владеем.

До недавнего прошлого в ваялате происходили случаи, когда руководители хозяйств, плохо разбираясь в вопросах ответственности за нарушения законодательства, допускали эти нарушения. Проекты современных застроек не всегда учитывали наличие памятни-

ков, а территории исторических памятников никем не охранялись.

В последнее время, как никогда, усилилась обеспокоенность за судьбу историко-культурного наследия нашего народа.

Учитывая критическое положение многих уникальных архитектурных и археологических памятников, правительством Туркменистана был принят ряд документов, направленных на их сохранение. Город Керки был объявлен историко-культурным заповедником что является важнейшим шагом в деле сохранения памятников.

Керки действительно один из старинных городов, расположенных на окраине велаята. История Керки древнее истории Амуля, и, как прошлое Мары и Самарканда, относится к ранней эпохе. В летописях, написанных до X века, его знали как Керкух, по-персидски «Крепость на горе». В этом городе в IV веке до нашей эры останавливался Александр Македонский в своем известном походе на Азию из Мерва в Самарканд и затем провел войско через мелководную переправу на Амударье.

В мае 1992 года несколько дней на территории Лебапского велаята работала экспедиция ЮНЕСКО — «Великий шелковый путь — путь диалога». Научный координатор экспедиции профессор Ахмад Хасан Дани из Пакистана так оценил керкинские памятники: «Они представляют безусловный интерес, особенно для народов Индии, Пакистана и Афганистана».

За последнее время в Керки и других городах велаята стала заметнее дифференциация памятников: все чаще воспринимаются они не изолированно, а как часть улицы или города, исторически связанных с этой частью.

В велаяте была определенная работа по инвентаризации и паспортизации памятников истории и культуры, заключены охранные обязательства с руководителями предприятий и колхозов, на территории которых расположены памятники.

С 1990 года в велаяте функционирует ученый Совет по проблемам изучения, сохранения и использования памятников истории и культуры при Средне-Аму-

дарьинской археологической экспедиции института им. Ш. Батырова Академии наук Туркменистана.

Были начаты восстановительные работы мавзолея Дарган-Баба и караван-сарая Дая-Хатын.

Как видим, силы общественности, интересы народа и государства позволили более углубленно приступить к практической работе по изучению, сохранению и пропаганде памятников старины.

Приобретая независимость, Туркменистан получил возможность быстро восстанавливать национальные традиции и духовное наследие, за что народ благодарен своему Президенту С. А. Ниязову.

Во имя памяти бесчисленного числа поколений, сохранивших, приумноживших и передавших нам как бесценный дар произведения архитектуры, мы — живущие сегодня, должны передать поколениям грядущим. Ибо без прошлого немисливо будущее.

О важности решения этой задачи мы сегодня и говорим.

Сохранить памятники культуры в условиях развивающегося народного хозяйства и индустриализации городов очень сложно.

Специалисты утверждают, что для сохранения исторического или архитектурного памятника прежде всего следует обеспечить ему благоприятные условия среды.

Понятие всенародное, а по сути дела, всемирное значение имеет охрана уникальных памятников истории и архитектуры. Это — утверждение и развитие культуры, а следовательно, воспитание истинно человеческих качеств. Вот почему трудно переоценить роль нашего Президента и Правительства в деле сохранения наследия минувших времен.

Однако в деле охраны памятников в велаяте еще не решены многие ключевые вопросы. К сожалению, несмотря на заключение специалистов о поднятии грунтовых вод, разъедающих фундаменты древних построек и уничтожающих культурные слои в почве, и многократные напоминания до последнего времени не приняты меры по улучшению сохранности мавзолеев Астана-Баба и Аламбердара.

Решая одну проблему в велаяте, мы тут же сталкиваемся с другой.

Сегодня вызывает озабоченность затягивание восстановительных работ на памятнике Дая-Хатын, главной причиной которого является слабая материально-техническая база научно-производственного объединения «Туркменреставрация», а также отсутствие достаточного количества кадров — реставраторов.

Сказывается отсутствие в Туркменистане и полноценного государственного органа по охране памятников, который был бы в состоянии охватить и решить все проблемы.

Необходимо отметить, что определенную помощь со стороны академических учреждений мы получаем. Благодаря поддержке института археологии академии наук Туркменистана нам удалось начать изыскательские работы на памятниках вейлата, ряд объектов включен в список мирового культурного наследия, составляемый ЮНЕСКО, что, надеемся, будет способствовать интенсификации охраны и пропаганды памятников.

Уважаемые участники симпозиума.

В деятельности по охране памятников в последние годы предпринимаются новые усилия и предлагаются для этого новые формы. Одно из них — восстановление в центре городов исторического архитектурного ядра, восстановление исторического облика старых городов. И такая работа уже началась.

На очереди и крупномасштабные работы по изучению и реставрации великого культурного наследия, когда к возрождению из руин будут привлечены лучшие специалисты.

По своему географическому расположению — на востоке государства — Лебапский вейлат первым встречает солнце, встречает новый день. Встречает с надеждами и уверенностью в будущем составе избравшего самостоятельный путь развития независимого Туркменистана.

В. М. МАССОН.

(С-Петербург).

Древний амуль — столица среднеамударьинского региона

1. В историко-географическом районировании Центральной Азии среднеамударьинский регион занимает особое место. Соответствующий в основном границам современного Лебапского вейлата, он на протяжении многих столетий представлял собой контактную зону, где активно взаимодействовали различные культурные традиции и идеологические концепции, реализовывались процессы культурного синтеза и интеграции. Обращаясь можно сказать, что такова была историческая миссия этого региона в истории Востока. Этому способствовали и две другие его особенности. Среднеамударьинский регион развивался, в первую очередь, как богатый земледельческий центр с налаженным поливным земледелием и высокопродуктивными сортами выращиваемых растений. Вместе с тем с начала все усложняющихся международных торговых контактов, он стал важнейшим узлом на трассе двух международных путей — сухопутного и речного. Сухопутный вел из района древнего Мерва в плодородную долину Зеравшана и затем в страны Дальнего Востока. Именно в районе древнего Амуля, современного Чарджева, располагалась наиболее удобная переправа на этой магистральной, известной под названием Великий шелковый путь. Второй трассой была сама Амударья, по которой шли товары из Индии и которой активно пользовались парфянские купцы. Эта функция важного дорожного узла во многом повлияла на разрабатываемый в одно время проект — сделать Чарджоу столицей Туркестанского генерал-губернаторства. Все эти три функции — контактной зоны, интенсивного земледелия и центра торговых магистралей — определяли историю региона и его центра, которым по меньшей мере 2000 лет являлся город, ныне носящий наименование Чарджев.

2. Вместе с тем нельзя не признать, что историко-экономическая база для изучения прошлого региона и

его традиционного центра пока довольно ограничена. Сведения средневековых письменных источников о регионе и его городах предельно лаконичны, а для древнейшей эпохи отсутствуют вовсе. Изучение археологических памятников в широких масштабах было начато Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией Академии Наук Туркменистана в 50-е годы, когда были произведены и первые раскопки на городище старого Чарджева. В конце 60-х — 70-х гг. эти исследования были активно продолжены археологами Института истории Академии наук Туркменистана, причем особо следует отметить активную деятельность В. Н. Филиппко, Г. Гутлыева и А. Бурханова. Невелика и научная литература. Здесь можно назвать очерки М. Е. Массона, посвященные основным городским центрам — Чарджеву, Фарабу и Керками, опубликованные им в монографии в XIII томе «Трудов ИТАКЭ» за 1966 г. и в журнале «Памятники Туркменистана» за 1973 г., и книгу В. Н. Филиппко «Поселения Северо-Западной Бактрии», Ашгабат, 1986 г. Важнейшей задачей остаются широкие систематические работы на городище древнего Амуля, расположенного на территории современного центра велаята.

3. Само наименование Амуль появляется в письменных источниках с VII века, но есть все основания считать его более древним. Выказывалось мнение об его происхождении от наименования племени марды, упоминаемого античными источниками, но надежного лингвистического обоснования такое сопоставление не получило. Более того, с течением времени столица региона изменила свое название, став именоваться видимо с конца XV века, Чарджуи или Чахарджуи — «четыре протока». Однако сам топоним Амуль остался, передав свое имя крупнейшей реке центральноазиатского макрорегиона. В греческих источниках Амударья известна как Оксус, что явно происходит от ее древнеперсидского наименования Охшо или Оахшо, восходящее к «вахшу» (сохранилось в современном названии притока Вахш), как именовалось и водное божество. В арабоязычной географической литературе Амударья именуется Джейхун,

что часто было нарицательным названием крупных рек вообще. Наряду с этим присутствует ее название как «река Балха» по имени древнего центра богатой области на территории современного Афганистана, хотя, как отмечает географ Якут, сам Балх находится от Амударьи на значительном расстоянии. Амуль был важнейшей переправой через эту водную артерию и важнейшим городом на готовом пути, пересекавшем Амударью. В связи с чем его наименование и перешло на название реки как «реки Амуля». Уже тот же Якут для начала XIII века отмечает, что при сокращении или неправильном произношении Амуль часто именовался просто Аму. В результате великая река сохранила название выдающегося городского центра Центральной Азии.

4. История Амуля тесно связана с историей всего среднеамударьинского региона, отражая закономерности его развития и исторические судьбы. Оседлоземельческая культура развивается здесь по крайней мере с начала I тыс. до н. э., то есть насчитывает не менее 3000 лет. В это время явным центром всего региона было городище Одей-депе, расположенное в 30 км к северо-западу от Чарджева. Овальное в плане оно занимало площадь не менее 6—7 га. В нижних слоях здесь найдена керамика, сделанная как с помощью гончарного круга, так и лепная с несложной геометрической росписью, преимущественно контурными треугольными фигурами. Она принадлежит к хорошо известному комплексу среднеазиатской археологии типа Яз-депе I по имени древнейшей столицы средней Маргианы, где выделение этого комплекса получило наиболее четкое обоснование. Этот археологический комплекс характеризует начало второго цикла широкой урбанизации в древней Средней Азии, приходящегося на первую треть тыс. до н. э. Соответствующие материалы обнаружены в нижних слоях крупных протогородских центров Средней Азии и Бактрии (Кызыл-тепе), Согда (Ер-курган), Маргиане (древнейшие слои Мерва по последним исследованиям ИТАКЭ), Парфии (Ер-курган). Примечательно, что даже на крайнем северо-востоке урбанизированного региона в Ходженте на средней Сырдарье найдена керамика этого типа. Види-

мо Одей-дене было центром нового земледельческого оазиса, формирующегося в начале I тыс. до н. э. по среднему течению Амударьи. Примечательно, что в центре это городище имеет овальные очертания, так, как и многие центры этого времени в других областях (Елбей-дене, Эрк-кала древнего Мерва, Кунчук в северной Бактрии).

Б. В дальнейшем на Средней Амударье достаточно четко повторяются эпохи, свойственные развитию урбанистической культуры всей Средней Азии. В середине I тыс. до н. э. продолжается развитие ремесел, и керамика, сделанная на гончарном круге, постепенно вытесняет лепную посуду. По наблюдениям В. Н. Пилипко материалы этого времени встречены в целом ряде пунктов на Чоплидене, в Керкичи и в окрестностях Астана-баба. Видимо в этот период в среднеамударьинском регионе уже сформировался керкинский оазис, центром которого стало Керки, где в «бекской крепости» отмечены достаточно мощные культурные слои этого времени. Возможно, материалы этого времени удастся обнаружить и при широкой шурфовке городища на территории Чарджева. В культурном отношении в это время регион по-видимому достаточно близок соседней Маргиане.

Б. Видимо, во второй половине I тыс. до н. э. на территории средней Амударьи и формируется несколько земледельческих оазисов. По В. Н. Пилипко это (вниз по течению) Миразбекский, Керкинский, Беширский, Карабекаульский и Чарджевский. Бесспорный расцвет этих оазисов приходится на первые века нашей эры. Земледельческая продукция региона, судя по всему, была достаточно разнообразной. К этому времени уже складывается и крупный городской центр на территории современного Чарджева, и, видимо, есть все основания этот центр именовать древним Амulem. Он имел укрепленную цитадель, а общая площадь его пригородов, судя по находкам фрагментов керамики и строительных материалов, охватывала площадь почти в 150 га. Видимо, в это время уже большую роль стала играть вторая ведущая функция региона — центра на международных торговых путях. Установление прямых контактов ханского Китая со Средней Азией во II в. до н. э. открыло

возможности широкой международной торговли, что получило значительное развитие в первых веках нашей эры. Судя по всему именно торговая функция способствовала росту древнего Амуля, как урбанистического центра. В первых веках нашей эры в среднеамударьинских оазисах развивается и внутренняя торговля, как об этом свидетельствуют многочисленные находки медных монет, в том числе и мелких номиналов.

7. В древнюю эпоху отчетливо выступает и функция среднеамударьинского региона как контактной зоны. Поскольку есть основания считать, что Маргиана входила в состав греко-бактрийского царства, можно заключить, что и средняя Амударья была одной из составных частей этой «Империи эллинистического Дальнего Востока», как ее назвал С. П. Толстов. Во всяком случае весьма показательны, что керамический комплекс из Миразбек-калы, который можно относить к III — II вв. до н. э., по ряду показателей весьма близок комплексам греко-бактрийского круга самой Бактрии (чернолощенная керамика, формы восходящие к т. н. «рыбным блюдам» и т. п.). Затем начинают ощущаться западные связи, прежде всего парфянские. Так, в различных местах по средней Амударье, найдены серебряные драхмы парфянских правителей Синатрука (77 — 70 гг. до н. э.) и Фрата III (70—57 гг. до н. э.). Поскольку к этому времени МERV и Маргиана уже вошли в состав парфянских владений, можно полагать, что в эту политическую систему была включена и вся область Амуля. Сейчас есть основания говорить о сильном парфянском воздействии (видимо, наряду с политической экспансией) на Бактрию в I в. до н. э. — начале I в. н. э., накануне создания другой державы Азии — кушанской. Скорее всего область по среднему течению Амударьи была одним из ретрансляторов таких воздействий. В первые века нашей эры с созданием кушанской державы ситуация коренным образом меняется. Кушанские стандарты и эталоны в керамике и терракоте, кушанские монеты распространяются от Келифа до Амуля. С этой линией взаимодействия связано и распространение буддизма, документированное находкой терракотовой фигурки бодисатвы. Возможно этот регион входит и в политическую систему кушан-

ского влияния. Некоторые исследователи вообще предлагают именовать его «северо-западной Бактрией». На этот раз линии ретрансляции идут далеко на север в область Хорезма, куда только этим путем, включая торговые маршруты речных судов, могли попадать кушанские монеты и импульсы мощного культурного комплекса кушанской цивилизации. Существовали и обратные связи. Во всяком случае даже по имеющимся ограниченным материалам, можно говорить о проявлении хорезмийских связей в местной керамике VI—VII вв. н. э. На городище Одей-депе найдена монета одного из последних доисламских правителей Хорезма — Акзацвара. Безусловно, торговые связи тесно переплетались с культурными процессами, характерными для контактных зон.

8. Эти направления исторического процесса прослеживаются и в средневековую эпоху. В X веке географ Макдиси описывает Амударью и ее область как изобилующую жизненными благами, хорошо обеспеченные водой. Много прекрасных поместий располагалось вдоль окраины песков. Подпочвенные воды были высоки, и поэтому колодцы устраивались неглубокие. Из области вывозился хороший виноград. Тот же автор отмечает, что область платила достаточно высокие налоги (харадж). Сумму его для 826—827 гг. Ибн-Ходадбех определял в 209 600 дирхемов. Для сравнения можно сказать, что область такого огромного города как Мерв платила 1 147 000 дирхемов, область Серхаса 307 440 дирхемов, из которых, правда, свыше двухсот тысяч числились в недоимках. Амударья сохраняла значение важнейшей переправы через Амударью на торговой трассе Мерв—Бухара. Здесь постоянно действовала лодочная переправа, иногда для прохода вооруженных сил, как это было при Надиршахе, наводились pontонные мосты. Порой река замерзала, и конница переходила ее по камышу, настланному поверх ледяной поверхности. Существенное значение имело и то обстоятельство, что сухопутный торговый маршрут перекрещивался здесь с водным путем, шедшим в Хорезм. В ряде отношений водный транспорт был удобнее вьючных караванов, вынужденных пересекать пустыню, чтобы достичь этой области в низовьях Амударьи. Амударья

представлял собой особую административную единицу вместе с его округом. Так сообщается, что один из членов правившей в IX веке в Хорасане династии Тахиридов получил в удел округа Мерва, Амударья и Хорезма. Удобное транспортное положение делало Амударью и местом военных столкновений сторон, стремящихся овладеть стратегически важным пунктом. Нередко, вплоть до позднего средневековья, это стремились сделать владельцы Хорезма. При Мангытах, когда средняя Амударья вошла в состав Бухарского эмирата, в Чарджоу располагался центр Чарджоуского бекства с резиденцией правителя. К сожалению, слабая изученность средневековой поливной керамики этого региона, обычно ярко отражающей культурные взаимодействия, затрудняет рассмотрения значения Амударьи и ее области в это время как контактной зоны в процессах культурогенеза. О том, что это значение сохранялось свидетельствует выдающийся архитектурный памятник, расположенный в районе Керков, известный под именем мавзолея Аламбердара. Он, видимо, является усыпальницей последнего правителя из династии Саманидов Абу-Ибрахима Исамила по прозвищу Мунтасир, очевидно боровшегося с Караханидами за свой трон в Бухаре, неоднократно бывавшего с войсками в Амударье, и в конце концов убитого в 1004 г. в этом районе. Мавзолей, как это убедительно показано Г. А. Пугаченковой, продолжает традиции знаменитого мавзолея Саманидов в Бухаре с его центрической планировкой и декором из фигурной кладки кирпича. Вместе с тем, здесь, отражая общую тенденцию развития среднеазиатской средневековой архитектуры, намечается выделение портала, а резные кирпичики 15 типов, используемые в декоре, превосходят специфические приемы сельджукской архитектуры. Так, взаимодействие разных функций — сельскохозяйственной, транспортно-торговой, культурно-ретрансляционной неизменно оставалось специфической чертой среднеамударьинского региона и его столицы.

**Амударья — граница или стержень
древних историко-культурных областей Средней Азии**

1. Античные (греко-римские) авторы, рассказывая об Оксе (Вахш; в средние века Джейхун, ныне Амударья), исходили из привычных для них представлений о реках как рубежах стран и областей. Оке они считали границей Бактрианы (Бактрии) и Согдианы (Согда). Однако при более внимательном ознакомлении с их сообщениями видно, что эти авторы не раз вынуждены были отступать от привычных для Эллады и Рима принципов при описании европейских рек Рейна, Дуная, Вислы, Днестра, Дона, равно как, например, и реки Инд. Нельзя принимать без оговорок и проверки и их сведений об Оксе.

2. В. Томашек в конце XIX в. и большинство советских историков и археологов, а также и такие выдающиеся зарубежные исследователи как Д. Шлюмбергер, в 50-х — 80-х годах нашего столетия полагали, что в древности северный рубеж Бактрии, отделявший ее от Согда, проходил не по Оксу (Вахшу), а по Гиссарскому хребту, а Оке, как и среднеазиатские реки вообще, в отличие от могучих горных хребтов, не развешивали, а объединяли историко-культурные области (и народы).

3. Археологические данные, полученные в ходе широких полевых исследований в период после Второй Мировой войны в Северном Афганистане и на юге Средней Азии, показывают, что все поддающиеся учету вещественные выражения этноса и культуры Бактрии: архитектура и архитектурный декор, строительные материалы и приемы, керамика и терракоты, и, наконец, монеты и эпиграфические находки — свидетельствуют об этнокультурном и хозяйственном единстве земель как по левобережью, так и по правобережью Окса (Вахша) в эллинистическую и кушанскую эпоху.

4. Вся известная нам история приамударьинских областей после кушан вплоть до современности свидетельствует, что Амударья в среднем (и, возможно, в нижнем течении), оказываясь не раз временным военно-поли-

тическим рубежом, никогда не была историко-культурной (и этнокультурной) границей между областями. По сей день левобережье этой великой реки в пределах Афганистана заселяют родственные населению правобережья таджики, узбеки и туркмены, в районе Амуля — Чарджевы туркмены и узбеки заселяют как левый, так и правый берега Амударьи, а в ее низовьях тоже самое можно сказать о каракалпаках.

5. О тесных связях право- и левобережных амударьинских земель в древности и средневековье и о том, что эту реку нужно рассматривать как объединяющий — стержневой фактор, свидетельствует и обилие переправ и длительное существование возле них нарпых, лежащих на обоих берегах реки, населенных пунктов. Таковы, например, городище Ай-Ханум, на лево-, и Кокульское поселение, на правобережье (близ впадения в Пяндж речек Кокча и Кызылеу); Тахти-Кубад, на левом берегу, и Тахти-Сангин, на правом (у слияния образующих современную Амударью рек Вахш и Пяндж); Тангузар и Старый Термез (неподалеку от впадения в Амударью Сурхайа); а ниже по течению Келиф, размещавшийся по обеим берегам; Керки и Керкичи, Ходжа-Набат-кала и Насандах (Зухра-Тахир), Амуль и Битык.

А. А. БУРХАНОВ.

(Ашгабат)

**Область Амуля. Древность и раннее средневековье.
(К проблеме контактных зон и историко-культурных связей).**

Отсутствие письменных сведений и ограниченность археологических материалов не позволяют нам пока в полной мере создать общий историко-культурный очерк в области Амуля. Однозначно, что главную роль в жизни населения территорий, прилегающих к Амударье, в том числе в пределах области Амуля, играла эта река, ставшая основой для земледелия и главной торгово-транспортной артерией Средней Азии в древности и средневековье. Собственно же область Амуля располагалась в центральной зоне торгово-транспортных направлений

«Великого шелкового пути» и историко-культурных контактов с сопредельными областями и культурно-этническими группами среднеазиатского региона. Такое своеобразие историко-географического положения расматриваемой территории, вытянутой узкой лентой на стыке Бактрии-Тохаристана, Согда, Маргианы и Хорезма и большая роль в жизни международной торговли наложили заметный отпечаток на ее культуру.

Долина Амударьи интенсивно обживалась в разные исторические эпохи. Имеются сведения о плотном освоении региона уже в I тыс. до н. э. Однако материалы, начиная с IX в. до н. э., изучены пока на одном объекте — Одей-депе (В. Н. Пилипко). В эпоху раннего железа сохранилась близость всех среднеазиатских регионов в рамках общности типа Яз-I — III. Имеются данные, характеризующие широкие обменные связи между областями, в частности, между населением долины Мургаба и побережья Амударьи (М. Е. Массон, В. Н. Пилипко). Имеются данные о наличии в период раннего железа торговых трасс, идущих через область Амуля: Яз-депе — Одей-депе — Хорезм — низовья Амударьи и низовья Балхаба — Одей-депе — Хорезм (Т. Сагдуллаев). Вероятно, как и в других областях Средней Азии, в области Амуля в этот период происходил процесс развития культурно-этнической общности — древнеамульской (среднеамударьинской).

Вхождение среднеазиатских территорий в единое государство Ахеменидов несколько замедлило процессы образования региональных историко-культурных и этнических общностей. Область Амуля находилась под влиянием Бактрии и Маргианы. О наличии слоев ахеменидского времени на Одей-депе говорят находки цилиндрических сосудов.

Греко-македонское завоевание и эллинизация Средней Азии способствовали проникновению в местную среду греческих элементов. Жизнь в оазисах области Амуля не прекратилась и в послеахеменидское время, однако памятников эллинистического и греко-бактрийского времени (III—I вв. до н. э.) на ее территории пока не обнаружено.

Можно допустить кратковременное вхождение амударьинских земель в сферу экономической экспансии

Парфии и участия парфянских купцов в торговых операциях. Они использовали амудевскую переправу и торговые пути по левому берегу Амударьи в пределах области Амуля (М. Е. Массон).

Материалы свидетельствуют об активном обживании области в кушанскую эпоху. Усиливаются контакты с сопредельными областями, прежде всего Бактрией. Строятся мощные крепости и сельские поселения, оросительные системы, идет освоение земель, рост населения, развивается торговля и культура. Вокруг центров оазисов — Амуля и Ходжа-Идат-кала — формируются многочисленные крепости и поселения. Развитие многих из них связано с выгодным расположением — на месте переправ. Установлено наличие в пределах области Амуля Гарабекевиюльской, Амульской и Дияневской переправ.

Основа хозяйства области — поливное земледелие; орошение полей из Амударьи производилось оросительными каналами. Археологические данные подтверждают развитие ремесел. Для культуры области Амуля кушанского периода характерны особенности бактрийской культуры и культурно-экономическое влияние Бактрии. В кушанское время развитие получают местные культы, традиции зороастризма и буддизма. В этот период область Амуля, как составная часть могущественного государства, находилась в относительно безопасном положении.

В IV веке побережье Амударьи, Бухарский оазис и Бактрия входят в состав Сасанидской империи. Временно прекращаются существование некоторых поселений. С другой же стороны, в кушано-сасанидское время увеличиваются площади орошаемых земель, строятся новые поселения и крепости, особенно в Гарабекевиюльском оазисе. Материалы раскопок показывают, что IV—VI вв. в регионе фиксируются подъем и стабилизация хозяйства — «поздний ренессанс», характерный для Бактрии и Согда. Влияние Сасанидского Ирана на область происходило не непосредственно, а через Маргиану. Однако это влияние было ограниченным, в период Сасанидов развивались прежде всего местные традиции.

Ситуация в регионе изменяется с выходом на арену хнонигов и эфталитов: Сасаниды потеряли амударьин-

есть и бактрийские земли. Образуются мелкие самостоятельные владения, формируется новый облик материальной культуры. В целом в IV—VII вв. область Амуля чувствует влияние Согды и кочевого мира.

Таким образом, историко-культурная принадлежность памятников региона и направления культурно-экономических связей таковы, что все они входят в начале I тыс. н. э. в круг кушанской и в последующем кушано-сасанидской историко-культурной общности. Для материалов области Амуля, прежде всего Чарджевского оазиса, характерно наличие значительного пласта комплексов IV—V вв., связанного частично с Хорезмом и Маргианой, однако в целом генетически — с культурой Бухарского оазиса, юго-западной периферией которого можно практически считать и Чарджевский оазис. Для Бухарского оазиса IV—V вв. характерно сложение керамического комплекса с сильным влиянием типологии керамики среднего течения Сырдарьи, и этот комплекс характерен для Согды хонто-эфталитского времени.

Исходя из результатов археологических исследований становится ясно, что в целом весь регион среднего течения Амударьи представляет собой в физико-географическом отношении единство. Однако об историко-культурном единстве в период IV—VI вв. нельзя говорить. В частности, районы правобережья и левобережья ниже Керкичи, включая полностью территорию области Амуля и незначительную часть северо-западной Бактрии, в историко-культурном отношении связаны с Согдом. Территории, расположенные выше по течению Амударьи, в пределах Керкичского оазиса, тяготеют к Бактрии — Тохаристану.

А. Н. БАДЕР, В. А. ГАЙБОВ, Г. А. КОШЕЛЕНКО
(Москва)

Новое свидетельство письменных источников о средней Аму-Дарье

1. Археологические исследования на средней Аму-Дарье были начаты еще в конце XIX века, но только в последние десятилетия здесь были проведены широко-

масштабные разведки и фиксация памятников. Были также осуществлены первые достаточно масштабные раскопки (В. Пилипко, Г. Гутлыев, А. Бурханов).

2. Одним из важнейших центров на территории средней Аму-Дарьи является современный город Керки, где засвидетельствовано два памятника: т. н. «Бековская крепость» и т. н. «Русская крепость».

3. Город Керки в средневековое время носил название Земм. Он неоднократно упоминается в сочинениях средневековых арабских авторов в связи с описанием событий политического характера или при общих географических описаниях района.

4. До недавнего времени не было известно письменных свидетельств об этом городе более раннего времени, нежели развитое средневековье.

5. Изучение и публикация манихейских тезисов из Восточного Туркменистана резко расширили наши знания по истории Хорасана сасанидского времени. Одним из важнейших документов этого типа является письмо, написанное одним из влиятельных членов манихейской церковной иерархии, освещающее некоторые важные аспекты манихейской миссионерской деятельности в самом конце III в. н. э. на территории Хорасана.

6. В письме имеются информация о составе манихейских общин на территории Хорасана, методах миссионерской деятельности, способах подготовки «избранных» в церковных школах, об использовавшихся в миссионерской практике литературных текстах и т. п.

7. Важнейшим центром деятельности манихеев, согласно этому письму и другим источникам, является Мерв.

8. Особое значение для данной темы имеет упоминание в тексте города Замб. Вопреки мнению некоторых исследователей (Дж. П. Асмуссен), большинство ученых, работавших над данным письмом (Лью, М. Бойс, В. Зундербманн) считают, что город Замб конца III в. н. э. идентичен городу Земм средневековой эпохи.

9. Если последнее предположение верно, то можно полагать, что в это время данный населенный пункт имел достаточно большое значение среди городов Хорасана и был объектом особого внимания манихейских проповедников. Такое внимание, по всей видимости, объясня-

ется тем, что через этот пункт распространялось мани-хейское вероучение из Мерва на территорию Бактрии.

10. По контексту сообщения ясно, что Мерв и Земм находились в пределах единого государственного образования (т. е. Сасанидского царства), что может помочь решить много дискутировавшийся вопрос о границах государства Сасанидов в III—IV вв. н. э.

А. С. СОПЫЕВ, А. А. БУРХАНОВ, Ч. О. ОРАЗОВ

(Чарджев, Ашгабат)

Область Амуля. История археологического изучения.

Область Амуля — северные и центральные районы побережья среднего течения Амударьи (в Лебапском велаяте Туркменистана) от Кабаклинского тугая на севере и до южной границы Гарабекевюльского этрапа. В эту область входят древние и средневековые поселения в пределах Чарджевского и Гарабекевюльского оазисов.

Несмотря на своеобразие географического расположения, на стыке Бактрии—Тохаристана, Согда (Бухары), Маргианы (Мерва) и Хорезма, в историко-культурном отношении область Амуля может быть охарактеризована как самостоятельный регион.

В дореволюционный период область Амуля, в связи вхождением в Бухарское ханство, практически не изучалась европейцами. Несмотря на это, некоторые памятники края посещались специалистами (прежде всего в связи с продвижением России в Туркестан) и любителям прошлого, однако они не были опознаны и детально изучены (А. Быков, П. Лессар, Шарифов, Л. Е. Дмитриев-Кавказский, Л. А. Зимин). В публикациях Д. И. Эварницкого, Д. Н. Логофета и В. В. Бартольда приводятся некоторые историко-географические данные об Амуле—Чарджуе и других пунктах Лебаба.

В первые десятилетия Советской власти памятники посещались и брались на учет специалистами Среднеазиатского Туркменкульта и краеведами (Л. Соколов, Егоров, Герц, А. А. Марущенко). В 1939 году участок ниже Чарджева обследовался Хорезмской экспедицией

(С. П. Толстов и С. А. Ершов). В послевоенные годы изучение среднеамударьинского региона проводилось силами ЮТАКЭ) М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, А. А. Росляков, Г. Е. Трапезников и другие). Результаты исследований экспедиции опубликованы М. Е. Массоном в фундаментальном труде «Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр». В этот же период изучением памятников области занимались также другие научные организации и отдельные лица (Я. Гутлямов, Дж. Дурдыев, А. Марущенко, О. Оразов). В 1936—1975 гг. (с перерывами) в Чарджоуской области работал отряд Института истории АН СССР под руководством В. Н. Пилипко и при участии Т. Ходжанязова, Г. Гутляева и других. Экспедицией проводились преимущественно рекогносцировочные работы в ряде районов с целью составления археологической карты региона. В 1968 и 1974 гг. проведено изучение городища Олей-депе. Однако работы В. Н. Пилипко коснулись прежде всего южной группы памятников Средней Амударьи, а поселения области Амуля практически остались за пределами работ отряда. Результаты исследований опубликованы В. Н. Пилипко в книге «Поселения северо-западной Бактрии» (1985 г.) и обобщены в специальной главе многотомной «Археологии СССР» (1985 г.), а также в небольшой брошюре Т. Ходжанязова «Археологические памятники Чарджоуской области» (1973 г.).

В 1978 году в связи с началом строительства водохозяйственных объектов и освоением новых земель Амударьинской экспедицией Института истории им. Ш. Батырова АН СССР (Г. Гутляев) возобновлены археологические исследования и произведены раскопки наиболее важных объектов. Экспедиция занялась установлением охранных зон вокруг памятников и продолжила разведочные работы в неисследованных районах. В 1978—1980 гг. был обследован целый ряд памятников Гарабекевюльского района и проведены стратиграфические раскопки на городище Ходжа—Идат-кала, Кизыл-депе, Линг—Линг-депе. Однако результаты работ остались неопубликованными.

В 1981 году при Амударьинской экспедиции был организован специальный отряд по изучению памятников ан-

тичности и раннего средневековья (А. А. Бурханов). В 1981—1982 гг. отрядом были произведены раскопки на городище Ходжа—Идат-кала, в ходе которых выявлены монументальное сооружение позднекушанского времени. Были проведены также рекогносцировочные работы на участке Сакар—Керки, Дяневском и Фарапском этрапах. В ходе разведработ составлена карта-схема Гарабекевиюльского оазиса.

В 1982—1987 гг. Амударьинской экспедицией (Г. Гутылев и А. Бурханов) произведены стратиграфические раскопки и выявлена планировка архитектурного сооружения храмового назначения на поселении Хазарек-депе.

С 1988 года по настоящее время в Лебапском велаяте на хоздоговорных началах работает Среднеамударьинская экспедиция Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменистана (А. А. Бурханов). В 1988—1990 гг. ею обследован ряд памятников в Дяневском и Чарджевском этрапах, проведены раскопки на остатках поселения Арайхана, в ходе которых получен комплекс материалов по культуре населения области Амуля в поздней древности и раннем средневековье. В 1990—1991 гг. экспедицией были проведены историко-топографические работы в ряде районов Лебапского велаята и произведена инструментальная съемка плана целого ряда памятников Гарабекевиюльского и Чарджевского оазисов. В два этапа, совместно с Чарджевским авиаотрядом экспедиция произвела аэрофотосъемку памятников области Амуля и Южного Хорезма.

В 1989—1990 гг. А. А. Бурхановым проведены работы по изучению, консервации и музеефикации остатков зубов древнего ископаемого слона, найденных в ходе земляных работ при строительстве Зендского водохранилища (находки переданы в краеведческий музей Лебапского велаята).

В 1990 году при Среднеамударьинской экспедиции и хокимлике Лебапского велаята (бывший Чарджоуский облисполком) был создан ученый совет по проблемам изучения, сохранения и использования памятников Средней Амударьи. Благодаря деятельности ученого совета и Среднеамударьинской археологической экспедиции удалось разработать и выполнить в значительной степени

комплекс мероприятий по очистке и благоустройству городища Амуля—Чарджуя, установить охранную зону вокруг него и возобновить раскопки. Археологические работы 1990—1991 гг. выявили новые материалы о культуре населения города в X—XIX вв. К сожалению, из-за финансовых трудностей в настоящее время раскопки на Амуле—Чарджусе приостановлены. Однако раскопки двух лет позволили поставить вопрос о создании историко-культурного заповедника в Лебапском велаяте. В результате в 1990 году Чарджевским горисполкомом городища Амуль объявлено заповедником и принята областная программа «МИРАС», предусматривающая финансирование и производство работ по изучению и реставрации памятников региона. В 1991 году Керки и памятники в его окрестностях Постановлением Президента Туркменистана объявлены Государственным заповедником.

Члены экспедиции активно участвовали в подготовке и проведении первого этапа Международной экспедиции ЮНЕСКО «Великий шелковый путь» и Всесоюзной историко-этнографической экспедиции «САФИР-89» по Туркменистану, которые прошли по территории Лебапского велаята в сентябре 1989 года.

В 1993 году Среднеамударьинская экспедиция провела на хоздоговорных началах стратиграфические раскопки на поселении Шор-депе в Чарджевском этрапе и на остатках городища Битык-кала в Фарапском этрапе, в результате которых получены новые интересные материалы по культуре древнего и средневекового населения области Амуля.

Раскопки и разведработы Среднеамударьинской экспедиции пока находятся в начальном этапе и будут продолжены в дальнейшем более широком масштабе. Однако уже первые работы 1988—1993 гг. дали новые данные о материальной культуре, экономических связях и общественных отношениях населения Средней Амударьи в древности и средневековье.

Результаты археологических работ в Лебапском велаяте обобщены в кандидатской диссертации А. А. Бурханова «Область Амуля в древности и раннем средневековье» (1992 г.), а также в настоящее время им под-

готовлены и сданы в печать научно-популярная брошюра «Арапхана: открытие, которого могло не быть» и монография «Древности Амуля».

Определенный вклад в изучение прошлого Лебапского вейаята внесли также и местные краеведы.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ (С-Петербург)

Поселения древнего и средневекового периодов Средней Амударьи (Амуля): итоги и перспективы исследований

Амуль — центр Средней Амударьи — области, расположенной на перекрестке важнейших торговых путей между Мервом (Маргианой), Бухарой, Сев. Бактрией и Хорезмом, игравшей значительную роль в истории края на протяжении многих веков. Это засвидетельствовано письменными источниками, данными этнографии и археологии.

Для того чтобы составить представление об изученности памятников региона, кратко напомним историю исследования. Начиная с поездки Е. Ф. Каля в 1890 г. обследования носили разведовательный и в большинстве случаев случайный характер.

Научный характер они приобрели с началом работ отряда ЮТАКЭ, особенно городище Старого Чарджоу, ознаменовавшееся открытием античного слоя (Пугаченкова. 1950; Трапезников. 1957; Массон М. Е. 1966). Значительные исследования по регистрации и незначительные раскопки провел Амударьинский отряд ИИ АНТ (Пилипко. 1966—1975). Особо отметим брошюру участника этого отряда Т. Ходжаниязова (1973), в которой дан первый общий обзор памятников Чарджоуской области. В ней широко использованы данные письменных источников и сведения о городах XIV—XIX вв. Эту работу с дополнением и приложением иллюстраций следовало бы переиздать массовым тиражом.

В результате многолетних исследований В. Н. Пилипко зарегистрировал 126 памятников и среди них 45— античного и кушанского времени. Т. е. они составляют 1/3

всех выявленных поселений и свидетельствуют о расцвете оседлой культуры в этот период.

Большим достижением его является открытие на городище Одей материалов поры Яз I, указывающих о начале заселения земледельцами района в период раннежелезного века в одно время с соседними областями Маргианы и Бактрии. Поиски и изучение этих древнейших памятников следует считать первейшей задачей. Итоги работ В. Н. Пилипко обобщены им в монографии «Поселения Северо-Западной Бактрии». 1985 и в отдельной главе фундаментального труда «Археология СССР» (1985). Эти труды и другие статьи В. Н. Пилипко составляют важный этап предварительного изучения, этапа накопления фактов. Основные итоги: 1. Разработка первоначальной типологии поселений. 2. Классификация керамики. 3. Изучение монетных находок (более 50 бронзовых кушанских монет). 4. Типология терракот (более 100 экз.) и выделение основных иконографических типов. 5. Определение места Средней Амударьи в истории древней Средней Азии.

Новый этап начинается с работ Амударьинского отряда возглавляемого Г. Гутлыевым, позднее А. А. Бурхановым (с начала 70-х гг. по 1991 г.). В некоторые сезоны в этих работах участвовал автор этих строк. Именно в этот период проведены были большого масштаба раскопки на античном поселении Хазарек, средневековом городище Ходжа—Идат—Кала и др. Работы Г. Гутлыева отражены в небольших заметках (1981, 1983, 1988). Основная задача систематизации и обобщения накопленных материалов осуществлена в кандидатской диссертации А. А. Бурханова (1992). В ней автор выделил 5 историко-культурных периодов, начиная с IX в. до н. э. и до VIII в. н. э. Были классифицированы и введены в оборот многочисленные материалы основных памятников региона. Все это значительно расширило фактологическую базу и дало представление об особенностях исторического процесса в рассматриваемом районе. По теме А. А. Бурхановым опубликовано 20 работ и в настоящее время стоит задача монографической публикации добытых материалов.

Оценивая состояние изученности региона можно констатировать, что наступает пора системного и планомер-

ного изучения на современном научно-методическом уровне. При этом следует руководствоваться, по крайней мере, следующими принципами:

1. Анализировать памятники в соответствии с микро-физико-географическим районированием, учитывая, что только оно дает возможность сравнительной оценки особенностей сельского хозяйства разных периодов. 2. Основные работы необходимо сосредоточить на старом Чарджоу—Амуле по образцу Пенджикента, Отрара, Мерва с задачей выявления последовательности эволюции культур за весь исторический период. 3. Желательно продолжить изучение Одей-Депе, как наиболее раннего земледельческого поселения и как памятника, который подвергается разрушению. 4. Многое можно ожидать от продолжения раскопок на уникальном поселении Арапхана в районе Дейнау. 5. Вопрос о статусе Средней Амударьи и ее месте в античный период может быть решен лишь после широкомасштабных раскопок. 6. Чрезвычайно важно было бы проследить последовательность развития культуры в период перехода от древности к средневековью с целью определения места региона среди соседних историко-культурных областей. 7. Крайне желательно сконцентрировать основные отчеты и собранные материалы в одном месте, каковым наиболее удобным мог бы быть Чарджоуский областной краеведческий музей. Это будет содействовать более успешному и плодотворному изучению славного прошлого края.

А. А. БУРХАНОВ, О. ОРАЗОВ

(Ашгабат)

Городище Амуль—Чарджуй. Проблемы изучения, Сохранения и использования.

Амуль—Чарджуй — один из важных пунктов на трассе «Великого шелкового пути», важнейшей торговой артерии древности и средневековья. Остатки этого стратегического и административно-культурного центра среднеамударьинского региона (области Амуля), расположенны на окраине современного Чарджоу.

Возникновение Амуля, как и четырех других городов

Средней Амударьи—Калифа (Келифа), Земма-Керкуха (Керки), Навидаха (развалины кешка Зухра-Тайыр) и Биты-Фирабра (Фарапа), определялось расположением в местах удобных переправ, поэтому несмотря на все изменения политического и экономического положения в Средней Азии, четыре из пяти городов существуют там

Происхождение наименования «Амуль» еще не установлено, и с конца XV века в литературных источниках оно вытеснено названием «Чарджуй» (или «Чахарджуб») — «четыре протока». В исторических источниках встречаются и другие названия города: «Амуйя», «Амуйе», просто «Аму». По свидетельству арабского автора XIII века Якута, чтобы отличить от другого города Амуля, что на юге каспийского побережья в Табаристане (северный Иран), обычно его называли «Амуль Джейхуна», «Амуль Земма», «Амуль береговой», «Амуль пустыни». Впоследствии персидское сокращенное название «Аму» было применено к реке Окс-Джейхун, которая стала называться Амударья (Аму-река). Сообщения о средневековом Амуле—Чарджое встречаются у целого ряда авторов прошлого: ал-Белазури (IX в.), ибн-Хордадбеж (IX в.), ал-Истахри, ал-Макендиси, ибн-Хаукаля (X в.), Мухаммеда Казима (XVIII в.) и других.

В историко-археологическом отношении Амуль—Чарджуй практически не изучен. Упоминания о нем дореволюционных европейских и русских авторов носят описательный характер. Разведработы на городище проведены в 1931 году экспедицией Института туркменской культуры и в 1949—1950 гг. отрядами ЮТАКЭ. В 1954 г. XVI отряд ЮТАКЭ проводил историко-топографические и стратиграфические исследования на городище, что позволило пересмотреть материалы письменных источников и наметить предварительную схему исторического развития двухтысячелетнего города.

В 1990 году Среднеамударьинская экспедиция Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменистана А. А. Бурханов приступила к стационарным раскопкам на Амуле, которые были успешно продолжены и в 1991 году. Однако из-за финансовых и организационных трудностей эти работы приостановлены. В ходе работ впервые произведена аэрофотосъемка более 30 памятников области Амуля и Южного Хорезма, в том числе Амуля—

Чарджуя, составлен инструментальный план бывшего городища, определена охранная зона для будущего историко-культурного заповедника. В ходе раскопок 1990—1991 гг. на территории шахристана выявлены значительные археологические материалы, характеризующие историю и культуру населения города в X—XIX вв.

Археологические работы 50-х и 90-х гг. в целом позволяют уже сейчас предварительно наметить основные этапы жизни в Амударье—Чарджуе. Древнейший период относится к I—IV вв. н. э. В этот период площадь города составляла 50 га и он входил в кушанское государство, что подтверждается находками керамического материала и медных кушанских монет. Анализ керамики говорит о культурном влиянии на Амударью со стороны Бухарского Согда. Отсутствие пока материалов не позволяет говорить что-либо об истории города в раннем средневековье.

IX—X века — новый этап в развитии города. Здесь пересекаются торговые магистрали из Хорезма в Маверраннахр и Тохаристан. Археологически установлено, что 1000 лет назад Амударья состояла из шахристана, внутри которого была цитадель (арк), и внешнего города. В стенах последнего было трое ворот: северные, южные, восточные. Здесь развивался рабад—ремесленно-торговая часть города. По источникам в X веке «Амударья один из благоустроенных городов Хорасана».

XI—XII вв. можно считать периодом наивысшего расцвета Амударьи, его территория достигает 175 га. Хотя свидетельства в письменных источниках об этом периоде не обнаружены, имеются достаточно археолого-топографических данных.

В XII—XIII вв. Амударья входит в состав Хорезма, однако в культурном отношении тяготеет к Маверраннахру. После монгольского погрома город резко сократился в размерах и лишь сто лет спустя оправился после опустошения.

С конца XV века город уже известен под названием Чарджуя. Планировка, унаследованная городом от этого времени, сохранялась практически до 60-х годов XX века. В верхних слоях города встречены следы строительной техники конца XIX века.

Сегодня остатки Амударьи—Чарджуя представляют со-

бой крепость, стены которой образуют почти правильный четырехугольник площадью 9 га. Они покрываются на многометровом пахсовом массиве. В северо-западной части шахристана — арк (высота 33 м). По всему периметру бывших здесь когда-то стен цитадель имела 5 башен. За пределами шахристана сохранился купольный мавзолей X—XI вв.

Судя по отдельным буграм и клочкам земли среди полей и производственных зон, где встречаются скопления битой керамики, древних шлаков, жженного кирпича, территория старого города на закате его существования не превышала 150—175 га. Активно проводимое промышленное и сельскохозяйственное освоение земель в Лебапском велае и сегодня грозит уничтожением целого ряда памятников прошлого, в том числе Амударьи. К середине 60-х гг. нашего столетия строения вокруг Шахристана, ранее окруженные полуразвалившейся крепостной стеной, были окончательно уничтожены как объекты исторического ландшафта и заняты новой застройкой, сельскохозяйственными, мусорной свалкой. Проходит здесь и шоссе на дорогу в Мары и Керки.

Такова судьба исторической части города. Нынешний Чарджув расположен в стороне от Амударьи—Чарджуя, на месте русского колоннального поселения конца XIX века. В связи с дальнейшим разрушением остатков городища Амударьи и проявленным интересом со стороны зарубежных специалистов и туристов к этому памятнику, необходимо уже сейчас выполнить целый комплекс мероприятий по очистке и благоустройству шахристана и прилегающих участков, установить охранную зону и, конечно, активно проводить крупномасштабные раскопки. Это позволило бы уже в ближайшие годы решить проблему создания историко-культурного заповедника в масштабе Лебапского ваята.

В 1990 году при Среднеамударьинской археологической экспедиции Института истории им. Ш. Батырова АНТ и хакимлике Лебапского ваята создан и действует ученый совет по проблемам изучения, сохранения и использования памятников истории и культуры Средней Амударьи. Из года в год помощь и поддержка со стороны этого совета и руководства Лебапского ваята в решении многочисленных вопросов изучения и сохранения

исторического наследия края становится существенной. Со временем в Амуле и других памятниках археологии среднеамударьинского региона можно будет проводить регулярные экскурсии для отечественных и зарубежных туристов, а полученные средства направить на изучение и консервацию памятников, благоустройства территории.

Археологические материалы, полученные в ходе раскопок последних лет, после научной обработки передаются в краеведческий музей Лебапского вейалата, а также в кабинет истории ТГПИ им. С. Сейди. У подножия шахристана можно было бы создать историко-архитектурный и этнографический комплекс, где будут собраны все интереснейшие экспонаты по архитектуре, быту и традициям народов и этнических групп, проживающих в многонациональном Лебапском вейалате. Было бы хорошо предусмотреть выпуск путеводителей, брошюр, посвященных истории и культуре Средней Амударьи, а также тематических буклетов, открыток, сувениров, значков...

Дальнейшая судьба памятников прошлого на территории Лебапского вейалата зависит от того, как скоро будет создан единый Амударьинский государственный историко-культурный музей-заповедник с центром в Амуле-Чарджуе и филиалами в Даргане и Дая-Хатыне, в Гапабекевюльском оазисе и Навидахе (развалины кенка Зухра-Тахир), а также в городе Керки и его окрестностях. Задача, с одной стороны, облегчается тем, что в 1991 году был создан Керкинский историко-культурный заповедник. Однако практика показала, что он реально не смог стать центром изучения, сохранения и использования памятников региона, каковыми на практике стали Иисийский заповедник в Ахалском вейалате, Мервекский — в Марыйском, Куня-Ургенчский — в Дашхувезском, Дехистанский — в Балканском.

Замечу, что на многих международных и региональных конференциях, симпозиумах, посвященных проблемам охраны памятников, неизменно высоко оценивалась работа по созданию историко-культурных заповедников в Туркменистане. Сейчас их уже семь — Ниса, Куня-Ургенч, Древний Мерв, Дехистан, Серахс, Абиверд, Керки. Амуль или Амударьинский должен стать следующим. Все условия, приложенные к выполнению этой задачи,

присутствуют в результате не только финансовую прибыль и приращение научных знаний, куда важнее нравственный эффект дела охраны и реставрации памятников, его воспитательная роль в обществе.

В. В. РАДИЛИЛОВСКИЙ

(Душанбе)

Роль энергетического потенциала в формировании социально-пространственных структур в древности

Социальная система непрерывно обменивается с окружающей средой веществом и энергией. Степень устойчивости социальной системы зависит от способности к максимальному эффективному усвоению энергетического потенциала, предоставляемого окружающей средой. Энергетический потенциал включает в себя энергоносители различного происхождения: сырьевые и пищевые ресурсы, полезные ископаемые, водные ресурсы, природные угодья и т. д. Стратегия добывания энергоресурсов на занятой территории, эффективность его использования (стратегия репродукции) зависит от степени организованности социальной системы, которая обеспечивает консолидацию индивидов в решении различных задач, связанных с жизнедеятельностью. В реализации социальной системой эффективности упорядоченного распределения энергоресурсов важная роль принадлежит развитию обменного процесса. По форме и содержанию нами могут быть выделены следующие виды обмена:

1. Внутриобщинный (племенной) обмен между локальными группами, образующих единую «диалектную общность», связанную родством, единством форм общественного бытия и общественного сознания. Как правило, это комплекс небольших земледельческих поселений (одно поселение — одна локальная группа) располагающаяся в одной географической нише — речная долина, пространство между реками и т. д. Этот комплекс поселений образует начальную форму протоурбанизированной системы. Образование такой системы закономерный результат, связанный с необходимостью энергетического

обеспечения. Ячеистая структура образует уравновешенную систему с ненарушенной плотностью населения. Ни одна локальная группа, входящая в такую систему не являлась полностью автономной, все они были равны в экономическом и социальном отношении. Обмен между ними имел скорее обрядовый или сакральный характер, нежели экономический и являлся более социальным по содержанию.

2. Межплеменной обмен между протоурбанизированными земледельческими социальными системами, граничащими друг с другом и занимающими различные географические территории. По цели он являлся экономическим. Интенсивность обмена энергоресурсами между ними зависела от двух факторов:

а) от разности потенциалов между ними в данном типе производств;

б) от степени взаимной эквивалентности разных типов производств.

3. Обмен между земледельческими и скотоводческими социальными и общественными группами. Экономическая цель такого обмена очевидна. Земледельцы реализовывали свою продукцию скотоводам в обмен получая продукцию животноводческого характера.

4. Обменные связи между географически отдаленными социальными системами. Специальные обменные экспедиции конечно не имели большого экономического значения в период существования протогородской культуры на территории Средней Азии. Однако то, что такие обмены существовали показывают археологические материалы. Их существование позволяет говорить о начальном зарождении и развитии транзитных торговых путей на территории Средней Азии.

За сложностью эффективного характера использования энергоресурсов стоит и соответствующая сложность организации социально-пространственных структур. При этом выделяются три крупных этапа развития племенной протоурбанизированной системы.

1. Первый этап связан с образованием локальных земледельческих групп, занимающих определенную территорию, где ни одна из групп не является автономной, все они равны между собой в экономическом и социальном отношении. Наличие локальных групп определяет

равновесное состояние системы. Однако, оно не является постоянным. В условиях ограничения ресурсов и ростом численности группа проточковывает от основной массы населения в наименее плотно заселенные географические ниши. Однако в условиях ограничения возможности переселения на новую территорию, увеличению плотности населения, происходит экономическая обособленность каждой из групп с правом самостоятельного владения и использования энергоресурсов в рамках принадлежащей ей географической ниши. Образуется экономически сильные группы, возникает процесс экономической зависимости одних групп от других. «Племенная» протоурбанизированная система переходит в новое состояние.

2. Слагаются несколько высокоорганизованных социальных групповых систем, находящихся между собой в конкурентных отношениях. Побеждает та группа, которая имеет значительные возможности в покрытии энергетических расходов за счет получения энергии из внешних источников, а также имеющая высокий потенциальный уровень организации, позволяющий создать боеспособные группы. Каждая из социальных групповых систем стремится к созданию экономического, политического, культурного и идеологического центра с довольно развитой системой сословной иерархии. Происходит процесс иерархического членения пунктов расселения. В Средней Азии по археологическим данным он происходит от конца III тыс. до н. э. до сер. I тыс. до н. э. Структурно-иерархическое членение пунктов расселения можно рассмотреть на примере типов оседлых поселений бронзового века на юге Узбекистана, на территории южной Туркмении. В результате конкуренции между группами и установления социальной, экономической и политической гегемонии одной из них «племенная» протоурбанизированная система переходит в новое качественное состояние.

3. Происходит формирование и развитие первых государственных образований. Это означает соответствующий рост сложности структурной организации социальной системы, и в то же время, более высокий уровень технологии переработки энергоносителей и стратегии их добывания.

Письменные источники сообщают о существовании на территории Средней Азии «Большого Хорезма», который представлял военно-демократическую конфедерацию племен, начинавшую перерастать в государственное объединение доахеменидского времени; существование на территории Бактрии отдельных городов, среди которых выделялся г. Бактры, являющийся царской резиденцией.

А. А. БУРХАНОВ
(Ашгабат)

К вопросу изучения сооружений храмово-культовой архитектуры с округлой планировкой на Востоке (по материалам Хазарек-депе).

Новые археологические исследования позволяют дополнить наши представления о сооружениях храмово-культовой архитектуры с округлой планировкой, известных в ряде областей Среднего Востока и Средней Азии. Значительным вкладом в решении некоторых аспектов этой проблемы могут служить результаты археологических работ на Хазарек-депе в среднеамударынской провинции.

Хазарек-депе расположен на территории Гарабек-вилюкского этрапа Лебапского велаята Туркменистана. Разведработы на памятнике произведены в 1949 и 1967 гг. А. А. Росляковым и В. Н. Пилипко. В 1982—1987 гг. здесь произведены стационарные раскопки Г. Гутляевым и А. А. Бурхановым.

Памятник состоит из цитадели и остатков собственного поселения. Стратиграфическое изучение остатков собственного поселения выявили 7 культурных слоев, характеризующихся материалами начиная с кушанского времени до VIII—X вв.

Цитадель — холм формы конуса, увенчанного цилиндром. Размеры по основанию — 70х66 м, высота — 12 м. Раскопки цитадели выявили архитектурно-планировочную структуру округлой формы. Диаметр сооружения: 29,5—30,0 м. Его строения укреплены мощной

двухслойной стеной толщиной до 5 м. Основной строительный материал — пахсовые блоки (80х100х60 и 120х100х80 см) и крупноформатный сырцовый кирпич. Общая высота сооружения цитадели в настоящее время — 11,8 м. Постройки в верхней части цитадели были установлены на мощной насыпной земляной платформе (высота более 7 м). Вдоль внутренней стороны обводной по всему кругу цитадели проходит пристенный коридор, перекрытый сводом. Ширина коридора — 1,80—1,92 м. Его стены сохранились на высоту 3,8 м. Они сложены в шахматном порядке из крупноразмерных пахсовых блоков: выложены три ряда, в верхней же части кладка произведена сырцовыми кирпичами и постепенно соединяется с кладкой арочного перекрытия. Внутренняя стена коридора сохранилась хуже (1,5—2 блока), верхняя ее часть разрушена. Стены коридора оштукатурены.

Вход в цитадель с северной стороны. Планировка цитадели четко разделяется на 2 половины: восточную и западную. Они разделены длинным центральным коридором (север-юг), имеющим длину 28 м и ширину 2 м. Строя в восточной и западной частей имеют четкую симметричную друг другу планировку, состоявшую из узких прямых и Г-образных длинных помещений и коридорчиков-проходов (в каждой половине по 6). В середине сооружения зафиксирован колодец, стены которого сложены из жженных кирпичей.

Археологический материал позволяет говорить о том, что Хазарек-депе существовал в течение двух основных периодов.

1. Позднекушанское — раннесредневековое время (с III — IV по VII вв. н. э.). В этот период в основной его части и окрестностях существовало небольшое поселение. Тогда не была построена цитадель. Расцвет приходится на середину IV—VI вв. — период межэтнических и феодальных войн и конфликтов, когда усиливаются оборонительные функции цитадели, которая превращается в укрепленный замок. В конце раннесредневекового времени Хазарек-депе был заброшен в результате пожара (погрома), о чем свидетельствуют мощные слои вепла и золы в заполнениях коридоров и помещений цитадели,

а также в соответствующих слоях шурфа в поселении.

2. В период домонгольского средневековья (X — нач. XIII вв.) постройки цитадели и собственно поселения были восстановлены и обжиты, превращены в хозяйственно-жилищный комплекс.

Сравнение планировочной структуры цитадели Хазарек-депе с идентичными округлыми сооружениями в других регионах Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии позволяет заключить следующее:

— цитадель—сооружение культово-храмового назначения, но одновременно игравшее и фортификационно-оборонительную функцию;

— с точки зрения архитектурно-планировочного решения — эта четкая, регулярная, продуманная и заранее рассчитанная планировка;

— тип архитектурно-топографического решения — округлая планировка тяготеет к более древнему времени. Круглый план известен в «круглом доме» храма в Теве Гавра в Месопотамии (III тыс. до н. э.), круглом храме Дашлы-3 в северном Афганистане (XVII в. до н. э.), храме Кутлуг-тепе в древней Бактрии (V в. до н. э.), архитектурном комплексе Кой-Крылган-кала в Хорезме (IV в. до н. э.). Эти сооружения составляют единую линию развития храмово-культовой архитектуры с округлой планировкой. Продолжением этой линии может служить раскопанное нами сооружение в Хазарек-депе (III—IV—VII вв. н. э.).

Обратимся к его внутренней планировке.

1. Система внутрстенных коридоров известна в Кутлуг-тепе, Кой-Крылган-кале и других памятниках. Сооружение могло служить местом обитания служителей храма и хранения продовольствия.

2. Сооружение в Хазарек-депе могло быть двухэтажным. 2 этаж — плоская крыша, которая укреплялась по бокам парапетом в рост человека и являлась круглым залом под открытым небом.

Здесь, вероятно, всего, совершались моления, проводились различные церемонии, наблюдения за движением солнца и светил, поведением Амударьи, окружающими полями и каналами, за возможным приближением противника, отсюда подавались необходимые сигна-

лы. Храмовое сооружение в Хазарек-депе, скорее всего, было непосредственно связано с местными религиозными культами и верованиями и посвящено небесному боже-ству.

К. М. БАЙПАКОВ, З. Ж. ШАРДЕНОВА,
(АЛМАТЫ)

Ранняя мусульманская архитектура на Сырдарье

В период с конца VIII по начало XIII вв. устанавливается значительное единство от Багдада до Ферганы и можно добавить до Отрара на Сырдарье и Каялыка на Лепсы.

Этому способствовало вхождение Южного Казахстана и Семиречья в состав государства Саманидов. Оно не был длительным и скорее носило номинальный характер, но тюркские государства карлуков, кангаров, огузов испытали сильнейшее влияние ислама.

Исламизация этих областей интенсивно продолжалась при Караханидах. Расширение торговых и культурных контактов, взаимодействие города и степи, оседание кочевников, рост старых городов и появление новых, в том числе целых культурных районов городской жизни, расцвет хозяйственной жизни, ремесла, сельского хозяйства способствовали всплеску искусства и литературы, интеллектуальной жизни. Не случайно этот период характеризуется как «Мусульманский Ренессанс».

На юге Казахстана, судя по письменным источникам в X—XI вв. было не менее 33 городов. Среди них наиболее крупные—Испиджаб (Сайрам), Отрар (Фараб), Убанкет, Шавгар, Сюткент, Янгикент. Городская культура в это время продвигается на север, в Центральный Казахстан, в долины Нуры, Кенгира, Сарысу, в предгорья Улутау. Великий Шелковый путь связывал юг Казахстана с Китаем и Средиземноморьем, мусульманским миром, Поволжьем, Южным Уралом, Сибирью.

Наряду с общим подъемом городов, происходит развитие архитектуры и прежде всего монументальной.

Появляются новые типы общественных и культовых построек, среди которых мавзолей, мечети и бани. Археологические исследования средневековых городищ Южного Казахстана и Семиречья позволили выявить и обследовать наиболее ранние мечети и бани округа Фараб.

Наиболее ранние мусульманские некрополи обнаружены вблизи городища Куйруктобе, в Отрарском оазисе, отождествляемом с главным городом оазиса в IX—X вв. Кедером. При раскопках этого же городища обнаружены остатки соборной мечети, о строительстве которой сообщал в X в. ал-Максиди. Он писал: «Кедер был новым городом и устройство в нем соборной мечети вызывало междоусобные войны (Бартольд В. В.).

Мечеть находилась в центре города, на пересечении магистральных улиц. В ее существовании отмечено два периода. От нижнего остались остатки стен из квадратного жженого кирпича. Лучшие сохранились постройки второго периода. Это было прямоугольное здание размерами 36,5х20,5 м, ориентированное по линии СВ-ЮЗ. Вход оформленный в виде коридора расположен с северо-восточной стороны. Михраб разрушен, но он должен был быть в юго-западной стене. Стены мечети имели толщину 1,5 м и были сложены из сырцового кирпича. В отделке использовались фигурные кирпичики. В северо-западной половине мечети, на полу расчищено 16 баз колонн из жженого кирпича. Всего же баз было 50, из них 5 — в коротком ряду и 10 в длинном. Шаг колонны колеблется от 3 до 3,2 м.

Время постройки мечети, судя по комплексу керамики, собранной на полах—X в. Период существования ее — начало XIII в.

Похожа на Кедерскую, мечеть, открытая на городище Санолтепе в Сурхандарьинской области Республики Узбекистан. Она несколько больше по размерам — 50х25—30 м и датируется XII в. Такого типа мечети продолжались строиться в позднее время, это, например, Джума, мечеть в Хиве, относящаяся к XVIII в. и мечеть начала XX в. в Ургенче.

Две бани были раскопаны и исследованы в Отраре. В основе их планировки лежит фигура креста.

Центральный зал был соединен с расположенными на осях четырьмя другими помещениями. Бани обогревались системой жаропроводящих каналов под полом. Снабжение водой осуществлялось из колодцев, а сточные воды выводились при помощи кубуров. В числе помещений бани были массажный зал, теплые и холодные моченные комнаты, раздевалка.

Следует отметить, что подобный тип бань, появившийся в XI—XII вв. и в более позднее время, получил широкое распространение на Востоке, Кавказе и сохранился почти без изменений до современности.

Н. А. КОВАЛЕВА.

(Москва)

К северу и к югу от Амуля: древняя стенная живопись на Амударье

(некоторые технико-технологические и стилистические особенности стенных росписей в интерьерах памятников Хорезма и Бактрии).

1. Исследования многочисленных археологических памятников античного периода, расположенных по берегам старых и новых русел Амударьи дают богатый материал для осознания экономических и культурных традиций Севера и Юга — Хорезма и Бактрии. Многие раскрытые археологами памятники, как правобережья Амударьи дали великолепные образцы настенных росписей и много декора (рельефы, круглая скульптура). Среди них Кой-Крылган-кала, Топрак-кала, Кзыл-кала, Аяз-кала, Елхарас, Дальверзин, Фаяз-тепе, Зар-тепе, Кара-тепе и другие. Некоторые, например, Топрак-кала или Фаяз-тепе, дали большое количество живописных композиций, иные, например, Кой-Крылган-кала — лишь единичные фрагменты, но суммируя имеющийся материал, мы можем составить достаточно полное представление о системе декора интерьеров культовых и жилых помещений в памятниках архитектуры обширного региона.

Несмотря на то, что технико-технологические признаки монументального декора в достаточной степени тра-

стве в пределах Средней Азии (что, конечно, объясняется климатическими и природными условиями), для каждого памятника характерен свой состав компонентов, использованных для создания оформления интерьера, что технологически отличает все памятники друг от друга.

2. Топрак-кала — памятник с наиболее богатым живописным материалом, удачно обработанным и поэтому изученным наиболее полно.

Росписи трехбашенного дворца, исследованные и законсервированные еще С. П. Толстовым, достаточно известны. В качестве основного технического приема их исполнения можно обозначить графичность и некоторую плоскостность изображения. Например, так называемые «красные дамы», вероятно, в какой-то степени можно считать портретными изображениями, но манера исполнения наделяет их общими признаками, создающими своеобразный живописный стиль. Необходимо добавить обнаруженные позже росписи помещений Северного комплекса и тогда предположение о существовании особой живописной школы переходит в уверенность. В Северном комплексе было обнаружено множество фрагментов росписей, свидетельствующих о том, что чуть ли не большинство помещений имело живописный декор, (кое-где в сочетании со скульптурными и рельефными изображениями). Однако, следует отметить, что хотя разрозненные фрагменты росписей были найдены почти во всех зданиях, составляющих этот обширный комплекс, лишь в четырех помещениях были обнаружены свидетельства о наличии портретной или жанровой живописи (1—25, 1—38, II—10, 0—VII). При этом только в двух из этих комнат (1—25 и II—10) сюжетные росписи существовали в сочетании с разнообразными орнаментальными композициями.

Следует заметить, что завал помещения 1—25 был насыщен обломками штукатурки с орнаментальными росписями, которые представилось возможным разделить на 8 типов различных орнаментальных сюжетов, из которых 5 еще имеют отличные от основного варианты. Здесь находился лишь один фрагмент с изображением

женской фигуры (так называемая «Дама с гирляндой»), которая выглядит родной сестрой «Красных дам» из верхнего дворца. Основной технической особенностью росписей этого помещения можно считать обилие белого фона и белого цвета в живописи, резкие черные контуры, разнообразие сюжетов. Помещение же 1—38, небольшое по размерам, как видно, содержало лишь одну большую сюжетную композицию на западной стене — это так называемая «траурная сцена» (подробно описанная Ю. А. Ропоротом), другие его стены были белыми. Остальные помещения дали настолько незначительный материал, что он позволяет судить лишь о былом наличии росписей.

Анализируя обнаруженный материал, можно отметить некоторые, уже частично упомянутые, общие признаки в живописных приемах изображения. Это — обилие белого цвета—фона, одежды, элементы орнамента, резкие черные контуры, и при всем при том — использование большого количества вспомогательных красок: красной, зеленой, синей, коричневой, различных оттенков розовой и серой. При этом для каждого помещения при общей палитре, отмечено отсутствие, например, синей при использовании зеленой и наоборот (1—38—зеленая и II—10—синяя).

И еще: чем меньше размеры помещения, тем больше белого пространства в интерьере, тем контрастнее изображение, ярче контуры. Такая закономерность выглядит своеобразным техническим приемом.

3. На значительном удалении от Топрак-кала находится буддийский культовый центр в Старом Термезе — Кара-тепе. Почти параллельное существование во времени, Амударья, соединяющая их караванными путями, позволяют рассмотреть эти памятники в одном ряду, несмотря на внешние различия и, казалось бы, подобную «непохожесть».

Кроме того, что Кара-тепе — буддийский монастырь, а Топрак-кала, вроде бы причислен к дионисийскому культу, при ближайшем рассмотрении иных отличий и не оказывается. Напротив, вырубленные в песчанном холме пещеры Кара-тепе имеют почти ту же форму сводов, что и сырцовые помещения Топрак-кала, стены точно также оштукатурены (местами по песчанику) лес-

совой штукатуркой и покрыты ганчевым грунтом, даже краски использованы, в сущности, в том же наборе. По основному сходству мы обнаруживаем в размещении монохромных каратепинских росписей, найденных на стенах некоторых пещер. Эти росписи можно выделить, как вполне самостоятельную живописную школу. Преобладание белого пространства в сочетании с выразительным рисунком производят сильное впечатление на зрителя. Здесь предельная графичность компенсируется использованием красной краски и чрезвычайно высокое мастерство исполнения производит впечатление вполне достаточной живописности, так объемны изображения персонажей, соблюдена перенектива. Крайне скупые приемы изображения дают такой эффект объемности, какой не всегда достигим самыми изощренными штриховыми, либо тоновыми моделировками. Можно утверждать, что автор росписей был достаточно искусен в достижении максимальной выразительности и умел использовать как благоприятные, так и недоступные условия для их демонстрации.

4. Как в Топрак-кала, так и в Кара-тепе мы можем отметить, что наилучшим образом освещенные комнаты (с нашей точки зрения — это помещения с искусственным освещением) содержали росписи, отличающиеся повышенной контрастностью в приемах изображения, что создавало возможность для их наиболее благоприятного созерцания в условиях слабой освещенности.

С. А. ЯЦЕНКО

(Москва)

Характерные черты Кушанского мужского костюма II—III вв. н. э.

Ко II в. н. э. в борьбе за гегемонию между пятью юэджинскими княжествами Бактрии одержало верх княжество Кушан (Гуйнуан), представители которого заняли господствующее положение в огромной Кушанской империи. Специфика кушанского костюмного комплекса до сих пор не вполне ясна. Ниже в уточнен-

ном виде изложена позиция автора, впервые представленная в 1986—1987 гг. (таблицы указаны по альбому: Дж. Розенфельд, 1967).

Для кушан характерно ношение в качестве верхней нераспашной наплечной одежды с длинными рукавами, длиной ниже колен и пришитым, часто-складчатым подолом. Эта нераспашная одежда имеет декор в виде вертикальных широких полос на груди, линий однотонных бляшек вдоль плечевого шва, реже — двумя вертикальными вдоль швов по бокам.

Для распашной наплечной одежды характерны манера ношения с глубоким запахом налево (при широком стане) и крепление на груди одной или двумя парными дисковидными застежками. Одиночная застежка часто имеет щиток в форме лунницы или 6-лепестковой розетки. Полосы декора, в основном, идут вдоль бортов, плечевого шва и пройм рукавов.

У высшей аристократии известны халаты с длинными, расширяющимися книзу рукавами (табл. XII). В редких случаях выявлен пережиточно бытующий индо-иранский кандин — длинная шуба, носившаяся вилкидку, с очень длинными зауженными рукавами (Хадда) (табл. 94).

У юэджей-кушан документируется верхняя одежда с короткими, расширяющимися к локтям рукавами, под которой носилась рубаха с длинными и узкими рукавами (например: табл. 68, 98, 123).

Плащ был узким и довольно коротким и обычно крепился на правом плече парными застежками.

Пелерины-оплечья в форме креста с заостренными концами и отверстием для головы у воинов часто вшивались металлическими пластинами. Но иногда они, видимо, были из мягких материалов (табл. 41).

Для кушан характерны различные виды островерхих (то есть — из жесткого материала — войлок, кожа) головных уборов, часто — с двумя лентами для повязывания у подбородка, облегающие шапочки и парские уборы в форме низких цилиндров с округлым верхом, украшенных растительными гирляндами. Специфичны шапки с широкой полосой опушки, невысоким конусовидным верхом и подчеркнутым вертикальным швом спереди. Использование диадемы для

мужчин времен Империи несвойственно (сравни.: монеты Герая).

Шаровары носились очень широкие, как правило, они заправлялись в сапоги. Их декор состоял из 1—2 вертикальных линий однотипных бляшек, нашпавившихся спереди. Иногда изображался небольшой полукруглый передник (Матхура) (табл. 24).

Наборные пояса украшались рядом бляшек 1—2 типов (круглые и квадратные; квадратные и треугольные). Они крепились на животе парными дисковидными застёжками; вниз свисала дополнительная кольевидная подвеска. Известен и распространенный у всех иранских народов вариант повязывания «геракловым» (прямым морским) узлом.

Кушаны носили полусапожки, высокие сапоги и крепившиеся к поясу тканые всаднические попоны. Специфичны сапоги с очень длинными квадратными и «гофрированными» носками (статуя Каншки из Сурх-Котала) и крепление ремней обуви и низа шаровар особой крупной круглой бляхой с мифологической сценой (табл. 67, 120; сравни.: Тилля-тепе, могила 4).

Кушаны обычно носили усы, изредка — небольшую бородку у подбородка. Волосы были не слишком длинными. Известна прическа трех типов: с прямым пробором, с ровно подстриженными над лбом волосами или с собранными в пучок на затылке.

В. А. МЕШКЕРИС.

(С-Петербург)

Значение терракот Северо-западной бактрии в изучении общих закономерностей развития и локализации среднеазиатской коропластики

1. Северо-Западная Бактрия (Средняя Амурья, ныне юговосточная Туркмения) — самостоятельная коропластическая область, своеобразие которой в общем процессе закономерностей наиболее ярко может раскрыться на широком фоне аналогий и параллелей. Среднеамударынский терракотовый комплекс, т. е. система-

дичноны и распространены во времени и в пространстве — географическом, хронологическом и классификационном (Пилипко 1977, 85), органически входя в бактрийский регион, с одной стороны дополняет представление о районировании терракотового производства в пределах одной историко-культурной области, с другой — позволяет сравнивать с аналогичными систематизированными терракотовыми комплексами Маргианы, Согды и Хорезма.

2. Сравнительная характеристика материала в трех упомянутых аспектах в свете суммированных и новых открытий на территории Южной и Северной Бактрии. Если Южная Бактрия, несмотря на хорошо изученную территорию, отличается редкими находками антропоморфной терракоты и отсутствием крупных центров коропластики, если Северная Бактрия представляет широкий регион с концентрацией городищ, образующих мощные очаги производства терракот, то локальный небольшой участок Средней Амурья, являясь самостоятельной коропластической областью, своеобразие которой нашло отражение в материале выделяющихся терракотовых центров, воспринимается лишь существенным звеном в единой цепи создания бактрийской художественной школы влияния. Современная степень изученности позволяет выделить из 12 памятников, нанесенных на карту, наиболее значительные по количеству находок терракот (около 100 экз.). — городища Чоплидепе и Мирзабек-кала, откуда происходят основные среднеамударыньские иконографические статуарные эталоны. Выделяется особо коропластический центр Амуля (Бурханов, 1992).

3. В сравнительном анализе статуарных эталонов в хронологической последовательности несомненно, имели место реальные пространственные связи и контакты, которые выявляются путем привязки к уже датированным комплексам колонок, составляющих основу историко-культурной периодизации. На современном уровне исследования коропластика Бактрии-Тохаристана может быть подразделена на четыре хронологические группы, отражающие следующие стили: докушанский, раннекушанский архаической фазы (III в. до н. э. — I в. н. э.) и развитый кушанский, позднекушан-

ский классической фазы (I в. н. э. — V в. н. э.). В построенной бактрийской колонке (Мешкерис; 1991) использованы данные стратиграфии, позволяющие расчленить терракоты на отдельные хронологические комплексы в устойчивых сочетаниях. Арханчская фаза становления бактрийской пластики представлена айханумским и халчаянским комплексами, включающими восточноэллинистические образы, генетически связанные с древнейшим искусством Передней Азии. Среднеамударынский вариант арханчской иконографии обнаженных и одетых богинь (судя по двум статуэткам Чопли-депе и Мирзабек-кала), характеризуется синкретическим синтезом, сочетающим принципы ваяния согдийско-бактрийского региона. В стиле соседних школ у истоков среднеамударынского ваяния наблюдается две тенденции — реалистическая и условно геометрическая. Заимствованы некоторые приемы «языка» арханчской согдийской пластики — поколенная формовка обнаженного торса, искусственно перенесенная «безрукость» плоскостной геометризированной статуэтки «одетой богини». Статуэтки, видимо, принадлежали к греко-бактрийскому комплексу III—II вв. до н. э.

Классическая развитая фаза айханумского типа кушанской эпохи, как и в других регионах средней Азии характеризуется, с одной стороны, созданием основных своеобразных каноничных статуарных типов, с другой, восприятием иконографических схем и стилистических приемов соседних художественных школ корoplastики и общих стилистических тенденций восточноэллинистического искусства. Типично местная иконография богини с виноградной кистью, эллинизированный образ которой подвергся существенной трансформации, не может рассматриваться в изоляции от материалов соседнего Хорезма, где в терракотах III в. н. э. зафиксирован образ местного Диониса, связанного с виноградарством (Воробьева, 1978), который вместе со среднеамударынской богиней проникает в южную Бактрию в Дильберджин (Кругликова, 1973). Атрибуты богини на статуэтке из Омар-калы — сосуд и пивестатуарное кольцо встречаются на терракотах

Северной Бактрии (Пилипко, 1978). Однако обликом и стилем омаркалыкская статуэтка сильно отличается от статуэток Саксан-Охура и Старого Термеза, так как отражает позднеэллинистические тенденции, сочетающиеся с кушанодинастийным стилем. Своеобразны стилизованные статуэтки женщины в длинных одеждах (с пакидкой) в хитоне и гиматии с мнандровым знаком, статуэтки богинь с лепным туловом, увенченные то головкой с мелкими чертами лица, обрамленного прямыми волосами, то крупной с мужеподобным лицом в трапецевидной короне, вариант которой как справедливо отметил В. И. Пилипко (1985, с. 100) запечатлен на золотой подвеске из Тилля-тепе. В отличие от Северной Бактрии Средняя Амударья не является регионом, в котором почиталась сидящая богиня типа Ордохна (на сотню терракот приходится лишь несколько подобных статуэток). Здесь отсутствуют также типичные для кушанской Бактрии статуэтки музыкантов, а также налпы на керамике в виде головок животных (Пилипко, 1985), появившиеся на этой территории с приходом юечжей (Раев Б. А., Яценко С. А., 1993).

В терракотах Средней Амударьи прослеживается связь с монументальной скульптурой Пальмиры (подделки из Чопли-депе с погрудными бюстами в окружении архитектурных деталей), с гандхарской скульптурой (статуэтки Боддхисатвы из Ак-Кала), с сасанидскими скальными рельефами Бишапуры, Накши и Рустама (формочка для изготовления статуэток из района Керки). В эпоху раннего средневековья существенное место занимают керамические сосуды со сливами в виде головок животных, близких к согдийским (Бурханов, 1991).

Самостоятельная Северо-западная корoplastическая область наглядно отражает художественные тенденции, характерные для эволюции искусства Бактрии и других областей Средней Азии, так как при всем своеобразии амударынской школы ваяния развивается по общему пути: от освоения переднеазиатских и эллинистических традиций к выработке собственных неповторимых канонов, из суммы которых создается особый вариант бактрийско-кушанского стиля, сменившегося

новым стилем раннего средневековья, основанном на разрушении канонов, потере традиции массового производства и создании образов, связанных с искусством больших форм.

С. Я. БЕРЗИНА
(Москва)

По дороге через Чарджев. Геммы из Мерва и Бухары

Геммы — редкие и дорогие предметы, памятники большой художественной ценности и высокой исторической информированности. Они дополняют сведения, предоставляемые массовыми видами археологического материала, а также позволяют выявить некоторые моменты истории культурных контактов, которые иначе выявлены быть не могут. Древние памятники глиптики по-особому освещают движение людей, распространение идей и становление мод на Шелковом пути.

Результаты изучения гемм из собрания Государственного музея Востока (коллекции М. А. Ратнера и С. Н. Юренева) вкупе с уже опубликованными памятниками:

1. Фиксируют Александрию Египетскую как начальный этап трансконтинентального Шелкового пути в первые века н. э.
2. Свидетельствуют о широком распространении иранских гемм на территории Маргнаны и Бухарского Согда в IV—VII вв. н. э.
3. Позволяют выделить геммы-печати (представителей администрации, жрецов и др.) и геммы-амулеты.
4. Определяют круг заимствованных иранских образов в религиозной идеологии местного населения.
5. Устанавливают существование местной моды на геммы.

С. Дж. СИМПСОН, Р. ХОББС, С. ЛОГИНОВ
(Лондон, Ангабат)

От Рима до Чарджева и Китая: находки византийских монет на Востоке*

Весной 1981 года учащиеся школы № 29 Нефтезавода Чарджевского региона нашли горшок с человеческими костями и монетой. Вскоре опубликованная Котельниковым и Логиновым (1985) эта монета представляла собой бронзовый фоллис достоинством 40 нуммий, весом 14,47 г, диаметром 34 мм, константинопольского чекана времени правления императора Анастасия (491—518 гг.). В этот период Чарджев и Средняя Амударья были восточным рубежом Сасанидской империи с местной администрацией, монетным двором и военным руководством в Мерве.

Важная находка в Чарджеве не является, однако, уникальной. Отдельные византийские монеты находили в ходе раскопок и случайно и в других поздних сасанидских поселениях, включая Мерв (Эрк- и Гяур-кала), район Нисы, Сираф (на Персидском заливе), месопотамские городища Ктезифон, Вех Ардашир (Коше, Вавилон, Телль-Бисмая, Телль-Дхахаб, Киш, Телль-Саднях, Айн-Сану, Джезрония, Хорсабад, Ниневия, Сех-Кубба и Зави-Чем-Шандар. Те из них, которые были опубликованы, оказались разного достоинства — от 40 нуммий до солидов, первые были бронзовыми, последние золотыми. Подобные монеты находили и еще восточнее — в Каргалике, Хетнине и Тулуфанге (Синьзянь), Спане и Спаганге (Шаньси), Мотозуоки (Внутренняя Монголия). Эти монеты являются важными вещественными свидетельствами и подобно восточному проникновению римских стеклянных изделий и металлических сосудов демонстрируют контакты между Византийской и Сасанидской империями и странами к востоку от них.

Чарджевская находка поднимает важные вопросы о характере и времени этих контактов, в том числе и в связи с так называемым Шелковым путем. Две частные

* — Перевод Б. Я. Ставиского.

проблемы можно исследовать здесь, а именно ту роль, которую могли играть византийские монеты в этих восточных государствах, и назначение монет, найденных в погребениях. Наконец, эта находка может быть рассмотрена в контексте сасанидских нумизматических исследований и как ценное свидетельство различных способов сасанидских погребений.

О. БАБАКОВ, Г. ГЕЛЬДЫЕВА
(Ашгабат)

К палеонтопологии Лебапского вейлата

Краниологический материал средневековья малочисленный, еще хуже обстоит дело более ранних эпох.

На крайнем юго-востоке Туркменистана, в Чаршангском этрапе Лебапского вейлата, на правобережье Амударьи в 1962 году раскопан большой Бабашовский могильник, датируемый I—II вв н. э. (Мандельштам А. М.). В 1992 году раскопан мужской череп в Керки (шурф 8), датируемый В. Н. Пилипко I—II вв н. э. Несмотря на малочисленность и крайне плохое состояние черепов отмечается неоднородность древнего населения Амударьи. Погребенные из Бабашовского могильника более сходны с северными европеодными типами (андроповским и срубным). Череп, раскопанный в Керки, принадлежит к типу среднеазиатского междуречья.

Средневековый краниологический материал на территории Лебапского вейлата получен из кладбища у крепости Ходжа—Идат-кала, Чопли-депе (в основном детские черепа), Хазарек-депе и из Амударьи—Чарджуя. К сожалению, черепа из Амударьи (раскопки А. Бурханова, 1991 г.) пока не опубликованы. Мужские и женские черепа средневековья характеризуются брахикраний формой мозговой коробки черепа, малыми размерами продольного, средней величины поперечного диаметров мозговой коробки и малой высоты черепной коробки. Лицо низкое узкое—ортогнатное с сильно выраженной горизонтальной профилировкой, с высокими орбитами, среднешироким-средневыступающим носом, с глубокими кли-

новыми ямками. В серии длинноголовые черепа отсутствуют.

В целом черепа эпохи средневековья относятся к брахикраний европеодному типу с незначительной долей монголоидных элементов.

А. А. БУРХАНОВ, А. К. КУЛИЕВ
(Ашгабат, Чарджев)

Археологические работы в Чарджевском оазисе весной 1993 года (предварительные результаты)

Весной 1993 года Среднеамударьинская археологическая экспедиция Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменистана (А. А. Бурханов) при участии кафедры истории ТГПИ им. С. Сейди продолжила дальнейшее археологическое исследование памятников Чарджевского оазиса. Работы историко-топографического и стратиграфического характера проводились на городище Битык-кала в правобережье (Фарапский этрап) и поселении Шор-депе в левобережье (Чарджевский этрап) Средней Амударьи.

Остатки древнего и средневекового поселения Битык-кала расположены близ ж/д станции Фарап, на землях колхоза «Коммунизм».

В письменных источниках встречаются лишь упоминания о Битыке (М. Наршахи, А. Борне, А. Быков и другие). Археолого-стратиграфические работы на поселении проводились в нач. 60-х гг. О. Оразовым. Проведенные в 1993 году нами раскопки были связаны прежде всего дальнейшими разрушительными земляными работами, проведенными местными хозяйствами.

В настоящее время остатки бывшего поселения представляют собой подтреугольный бугор (72х64х78 м). Поверхность бугра, возвышающегося над местностью на 8 м, выровнена бульдозером.

О том, какую площадь занимало поселение, можно судить только по подъемному материалу и рассказам старожилов, т. к. остатки памятников окружены хлопковыми полями. Подъемный керамический материал с

Битык-калы представлен фрагментами позднеантичной керамики: а также посуды XI—XII и XVIII—XIX вв. Среди подъемного материала особо отметим терракотовую фигурку, изображающего воина (правителя).

Стратиграфические работы (шурфы 6х5,3х2, зачистки и разрезы) выявили культурный слой мощностью около 4 м. Поселение было построено на естественном песочном берегу Амударьи. Основные строения Битык-калы были сооружены из сырцового кирпича размерами 42х23х8, 39х22х7, 33х22х7 см. Керамика со стратиграфического шурфа представлена самой разнообразной посудой начиная с III—IV вв. по XIX вв. Среди находок с нижнего слоя выделим терракотовую фигурку (она обезглавлена) прямоходящей богини плодородия, несколько бусинок, каменные изделия, наконечник стрелы, пряслища...

Шор-депе располагается на окраине селения участка «Пионер» колхоза «Парахат» Чарджевского этрапа. Некогда памятник имел форму округлого холма (70х60 м). В настоящее время сильно поврежден выборками земли. В центре, по линии юго-запад — северо-восток, холм разделен на 2 части бульдозером в ходе земляных работ. С южной стороны имеется обширная впадина, достигающая центра бывшего холма. Высота холма около 8 м.

Наши подъемные сборы позволяют отнести основание поселения на этом месте к кушанскому времени. В частности, в разрушенных бульдозером центральных участках памятника зафиксированы остатки кладки стены из сырцовых кирпичей (42х42х10, 44х42х12 и 45х25х10 см) с клеймами. Среди керамики отмечены фрагменты хумов из высококачественного ярко-красного теста, с желобчатыми венчиками. Имеются хумы с характерным ребром в нижней части манжетовидного венчика. Аналогичная керамика встречается в ряде памятников кушанского времени области Амуля.

Стратиграфическое изучение Шор-депе (шурф 4,5х5,0 м), зачистки и разрезы выявили 3 основных культурных слоя, характеризующих культуру поселения с I—II в. н. э. до IX—XI вв. Кроме многочисленной и разнообразной керамической посуды найдены изделия из камня, керамики, металла. Особо выделим фигурку древней богини плодородия, изображенной в полный рост

сидящей на троне. На голове у нее интересный высокий убор и элегантная прическа, она имеет украшения. Найденная терракота, несмотря на то, что фигурки такого типа частное явление в Средней Амударье, является уникальной и оригинальной.

На территории участка «Ильич» колхоза «Парахат» зафиксированы следы бывшего крупных размеров средневекового городища Гочы-депе (Кочы-депе), которое было уничтожено в ходе земляных работ несколько лет тому назад.

Дж. ДУРДЫЕВ, С. ХАМРАКУЛЫЕВ,
(Ашгабат)

К вопросу о местонахождении средневекового города Земм.

1. До настоящего времени среди исследователей идет спор о местонахождении средневекового города Земм в районе Керкинского этрапа.

2. Одни специалисты считают, что этот город расположен на территории современного города Керки (М. Е. Массон), основываясь на остатках холма, расположенного у переправы, где обнаружены культурные слои доарабского времени.

3. Еще в 1931 году археолог А. А. Марущенко локализовал город Земм на территории современного селения Астана-баба. Он считал, что мавзолей Астана-баба с его четырехстолпным залом является соборной мечетью города Земм (IX—X вв.).

4. Надо отметить, что на территории города Керки не сохранились никаких археологических и архитектурных памятников X—XI вв., тогда как территории селения Астана-баба и его окрестностях они имеются.

5. М. Е. Массон пытается объяснить это обстоятельство смывом Амударьей старинных сооружений, расположенных на территории города Керки. В таком случае возникает законный вопрос, почему не были смыты памятники расположенные на территории селения Астана-баба (города Земма)?

6. По нашему предположению селение Маймарг,

расположенный в пригороде Земма, находилась на территории современного города Керки. По-видимому, остатками этого селения являются холм у переправы через Амударью, где имеются культурные слои доаравского времени.

7. Комплекс мавзолея Астана-баба расположен в 14 км севернее города Керки с левой стороны автодороги Керки—Чарджев. Памятник состоит из многочисленных разновременных сооружений, пристроенных к первоначальному мавзолею.

8. Раскопки, проведенные в последние годы (С. Хамракулиев) у мавзолея показали, что до его строительства здесь был большой двор размером около 45х32 м. Стены по углам защищали круглые башни. К юго-восточному углу двора примыкает несколько помещений различной величины. По-видимому, здесь тогда был укрепленный замок знатного феодала или резиденция правителя этой области. К востоку от первого двора удалось проследить контуры второго двора длиной с востока на запад 25 м.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА (Ташкент)

Ховлы Чарджевского оазиса.

Характерную форму жилья эрсаринцев, населявших регион вдоль среднего течения Амударьи по обе стороны от главного городского центра — Чарджева, составлял и усадьбы-ховлы. Они возводились со времени оседания здесь в XVII—XVIII вв. племен эрсари, а их архитектурный тип был в значительной мере предопределен условиями социально-экономического кризиса, охватившего в XVIII в. области Туркменистана и горестно звучащего в творчестве Махтум-Кули.

Ховлы — это хорошо укрепленная усадьба, которая могла противостоять разбойничьим набегам и вместе с тем удовлетворять повседневные запросы большой патриархальной семьи. Ховлы располагается на земельном участке, где возделываются злаки, фруктовые деревья, бахчевые культуры. По своему облику ховлы

являет небольшую крепостцу с высокими глухими стенами на углах и по обе стороны единственного въезда. Она обычно прямоугольна в плане и внутри подразделена на хозяйственную и жилищно-бытовую часть. Первая в основном предназначена для домашнего скота, составлявшего важный элемент благосостояния владельца, здесь вдоль стен устроены стойла, конюшня, хлевы. Чистый двор отделен оградой, по трем сторонам его расположены жилые строения, кухня, кладовые, а в свободном пространстве высаживался виноград и зелень. Жилая часть включала учек (иногда два) — двухэтажное башнеобразное строение, которое в беспокойное время играло роль именно дозорной и боевой башни, в обыденной же жизни второй этаж служил хозяйственным целям для хранения фуража, собранного урожая, бытовых предметов.

Ховлы являет особый тип архитектуры туркменского народного жилища. Строительная техника его весьма экономична, она связана с такими подручным (точнее подножным) материалом, как лесовая глина для стен, растворов, смазок, а для балочных перекрытий с местными тугайными деревьями, которыми изобилуют поймы Амударьи. Стены выводятся рядами пахсы со скосом внешней грани и сокращением высоты рядов снизу вверх. Высокий уровень стояния подпочвенных вод во всем регионе привел строителей к остроумному методу борьбы от засоления — прокладкой под стенами изоляционной прослойки из камыша.

Во внешнем облике ховлы подчеркнуты элементы крепостной архитектуры. Это угловые и промежуточные башни, декоративные навесные башенки, ложные бойницы — прямоугольные и стрельчатые, вверху тянется декоративный зубчатый паранет. Въезд выделен двумя башнями, козырьком, сами ворота двухстворчатые.

В оформлении главного, а иногда и других фасадов особая роль принадлежит декору, выполненному по сырой поверхности пахсы с помощью зубчатой лопатки — «чикич». Орнамент весьма разнообразен — от просто вертикальных, горизонтальных, зигзаго-

образных борозд до всевозможных, по-разному заштрихованных сеток. Гребенчатый орнамент особенно насыщен на угловых башнях и навесных декоративных башенках, иногда он заполняет и зубцы парапета. Встречается также нанесенный круглым деревянным штампом круг с радиальными заполнениями — древний солярный мотив.

Интерьеры жилых покоев в ховлы предельно просты — стены гладкие, лишь кое-где устроены нишки для светильников. Связано это с тем, что основную декоробразующую роль играли ковровые изделия, которыми среди других туркменских племен славилась эрсари — это навесные ковровые чучалы, хурджуны, осмолдуки для складывания вещей, иногда молитвенный коврик-намазлык, большие же ковры настилались на земляных полах.

Генезис ховлы восходит к укрепленным усадьбам средневековой архитектуры Средней Азии, археологические остатки которых выявлены в значительном числе в Хорезме. Для поздних же времен ховлы или или хаули были присущи лишь некоторым районам Средней Азии, а именно для Хивинского района и для округа Самарканда. Причем при общности архитектурной идеи в разных районах они несли свои особенности форм и декора.

В советское время крупные изменения всей социальной системы, отмена частновладения на землю, организация колхозов привели к забросу ховлы. Свыше сорока лет назад нам удалось зафиксировать некоторые из руин, вероятно ныне их осталось еще меньше. Между тем эрсаринские ховлы присущи благородные черты народной архитектуры туркмен, которые могли бы быть использованы в сельском строительстве на обновленной основе и в наши дни.

В свете современных изменений в жизни села, создания фермерских хозяйств и связанного с этим нового жилищного строительства уместно обратиться к прошлому опыту. Взамен проектов унылого стандартно-типового сельского жилища, в котором не учтены ни бытовая специфика и вкусы туркменского населения, нужны иные, новые разработки. В частности те, что учитывали бы архитектурные приемы приаму-

даринских ховлы. От них можно заимствовать использование дешевого строительного материала — пахсы, изготовлением и кладкой которой владеют народные мастера, привлечь их объемно-организующие формы и декоробразующие мотивы, уходящие корнями в вековую практику местного народного зодчества.

С. Д. АТДАЕВ.

(Ашгабат)

Туркмены среднего течения Амударьи в эпоху Надир-Шаха

К середине XVIII в. левобережье среднего течения Амударьи заселяли туркменские племена: эрсаринцы, бурдалыки, салыки и другие. Самое многочисленное из них племя эрсары поселилось здесь в 70-х годах XVII в. Изначально они проживали на северо-восточном побережье Каспийского моря, но по причине наступившей засухи и нашествия калмыков в начале XVII в., вынуждены были покинуть Мангышлак и удалиться на Балханы, а уже оттуда перебраться к Амударье, на Лебап.

Начиная с 40-х годов XVIII в. туркменское население среднего течения Амударьи было втянуто в длительную полосу военных событий. Иранский правитель Надир-шах (1736—1747 гг.)¹, основатель огромной империи, успевший захватить Афганистан и Индию; войны которого воевали в Закавказье и сражались против османской Турции; экспедиционные отряды которого бились с арабами на Ближнем Востоке; решил выступить на Бухару и Хиву. Ранее Надир-шаху удалось осуществить ряд победоносных выступлений против туркменских племен Южного и Юго-Западного Туркменистана.

Двинувшись в поход, Надир-шах вскоре переправляется у Чарджева на правый берег Амударьи и к августу 1740 г. вступает в покоренную без боя Бухару. Поход Надир-шаха вызвал большое беспокойство среди лебап-

¹ Надир-шах происходил из туркменского племени афшар рода кыркани.

ских туркмен, так как они хорошо знали силу его армии. Еще раньше в 1738 г. эти туркмены несколько раз совершили нападения на Мерв, где располагался гарнизон Надир-шаха, за что были жестоко наказаны. Теперь же при подходе иранских войск, многие туркменские племена снялись со своих мест и двинулись вниз по Амударье в сторону Хивинского ханства. Здесь правитель Хивы Ильбарс-хан (1728—1740 гг.) организовал выступление против армии Надир-шаха. В ополчение Ильбарс-хана вошли многие туркменские племена Хивинского ханства. Присоединились к ним и лебаские туркмены.

Выступив в поход, Ильбарс-хан направляет вверх по Амударье свой передовой отряд в 30 тысяч человек на захват понтонного моста близ Чарджева, желая тем самым остановить продвижение армии Надир-шаха и дать ей бой вдали от пределов своего ханства. Надир-шах, находящийся в это время на пути из Бухары в Чарджев, получает известие о приближении туркменского отряда и в спешном порядке добирается до Чарджева. В местечке Гаравулчаги² он присоединяет к своему 20-тысячному войску 3-тысячный мервский отряд Мухаммедриза-хана и движется вниз по реке.

21 числа месяца раджаба (12 октября) столкнулись дозорные подразделения обонх сторон. Основное сражение произошло в местечке Чегес³. Хивинский (туркмено-узбекский) отряд возглавляли Мухаммед-али-бег из йомутского рода ушак и Артук-ишак из узбекского племени мангыт. В этом сражении, как и в других последующих, проявилось превосходство иранской армии, снабженной новейшим по тому времени вооружением, и действовавшей организационно по принципам последних достижений в области военного искусства, так как Надир-шах активно привлекал на свою сторону европейских военных инструкторов. Туркмены, несмотря на проявленную ими отвагу и смелость, вынуждены были отступить.

Войско Надир-шаха продолжила свое движение вниз по реке. Небольшая стычка произошла в местечке Гу-

терджин⁴, по сообщению иранского историка-хрониста Мухаммеда Казима, Надир-шах благополучно добрался до местности Дюебоюн⁵ и вступил в пределы Хивинского хайства. Однако хивинский автор Муинне сообщает нам обратное и утверждает, что в Дюебоюне сражение все же произошло, а в местности «Тузлак, который еще называют Султан-Сараем»⁶ туркменские отряды разбили караул войск Надир-шаха.

Надо отметить, что туркмены в этих сражениях проявили большую солидарность. В боях участвовали многие туркменские племена: эрсаринцы, текк, йомуты, салыры, човдуры, сарыки, абдалы, игдыры, дуюджи и другие. Вместе с ними рука об руку билась узбеки, казахи и каракалпаки.

После того как к осени 1740 г. Надир-шаху удалось захватить Хивинское ханство, положение его наместников там оставалось ненадежным. Туркмены активно участвовали в волнениях 1741 г., а в 1745. сами пришли к власти. Тогда Надир-шах направляет против них свои войска. Однако на пути к Хиве эти силы вновь встречают сопротивление туркмен на среднем течении Амударьи. Прибывшие из Хивы туркменские отряды задерживали иранские войска в Сукьяре⁷, дали им здесь несколько боев, пока сами не были отброшены к Ак-рабату⁸ и Гугерджику. Лишь прибытие сюда племянника Надир-шаха Алыгулы-хана с огромным войском и артиллерией Хорасана, помогло преодолеть организованное туркменами сопротивление.

Несмотря на тяжелые испытания, вынавшие на долю лебаских туркмен, они продолжали представлять собой большую силоченную силу в этом регионе.

⁴ Гугерджин (Гугерджели) находится чуть выше Дарганата.

⁵ Дюебоюн — местность в Дарганатинском этрапе, где Амударья сужается и делает изворот, вследствие чего и получила название Дюебоюн, то есть верблюжья шия.

⁶ Вблизи Дюебоюна имеется как местность Дузлак, так и озеро Дузлак, именуемое в народе озером Султана Саиджара.

⁷ Сукьяр находится южнее Дарганата. Вблизи Сукьяра расположен также хань Байракдан, именуемый в народе Надир-шах-дане.

⁸ Акрабат находится севернее Дарганата.

² Гаравулчаги располагалось близ Чарджева.

³ Чегес расположен в Дяневском этрапе.

После убийства Надир-шаха в 1747 г. и распада его империи, в Хивинском ханстве разгорелась внутриполитическая борьба за власть между туркменскими и узбекскими племенами. Текинцы и салыры, вытесненные из пределов ханства в ходе этих событий, нашли временный приют улебапских туркмен. Эрсарынцы и другие здешние племена, желая помочь хивинским туркменам в их борьбе против укреплявшего свои позиции Мухаммедэмин-нака, вместе с текинцами и салырами не раз принимали участие в походах на Хиву.

События 40-х годов сильно повлияли на миграционные процессы туркменских племен. Еще в 1745 г. после похода Алыгулы-хана на Хиву, по приказу последнего часть туркменских племен была переселена из ханства на среднее течение Амударьи. Переселенню подверглись игдыры, абдалы, арабачи и дюеджи. После падения империи Надир-шаха, эти племена начинают постепенно возвращаться назад, окончательно вернувшись в родные места к 30-м годам XIX в.

В результате событий развернувшихся в Хивинском ханстве в 40-80 годах, ее пределы покинули текинцы и салыры. Хиву оставило также племя улам. Это туркменское племя длительное время проживало в местности Вас. В конце XVII в. племя углубилось в пределы Хивинского ханства и слилось с более крупным племенем салыров. Вместе с салырами они покинули Хиву и переехали на Лебап. Их потомки аламы проживают ныне среди саратских салыров, а в Ходжамбасском и Керкинском этрапах живут мелкие племена оламов.

Дж. А. ХАТАМОВ
(Чарджев)

К истории строительства Амударьинского железнодорожного моста

С окончанием военных действий России на территории Туркестана быстрыми темпами продолжалось строительство железных дорог, которое в конце 1886 года было доведено до Амударьи.

Основными причинами строительства железнодорожного моста через Амударью были задачи военно-экономического характера, вытекающие из колониальной политики царизма в отношении народов Средней Азии.

Амударьинский мост у Чарджуя принадлежит к выдающимся созданиям русской инженерной мысли. Проблема строительства моста осложнилась тем, что в то время в Европе и Америке еще не было опыта сооружения таких мостов — такой протяженности и через такие капризные реки как Амударья.

До сооружения рассматриваемого моста был построен временный деревянный мост длиной 2070 метров, который просуществовал более 13 лет. Он возводился неофициально, так как средств на него никто не отпускал, так как он был, построен, прежде всего, по личной инициативе генерала М. Н. Анненкова. Так «контрабандным» путем был построен первый Амударьинский мост.

Как видно из источников, на содержание временного моста, приходилось ежегодно тратить огромные средства. К тому же он не мог обеспечить дальнейшего роста объема перевозок; транспортировки грузов для строительства Среднеазиатской железной дороги и укрепления военно-стратегических позиций России.

Амударьинский мост в Чарджуе был построен с 17 октября 1898 года до 27 мая 1901 года под непосредственным контролем выдающегося мостостроителя, профессора Н. А. Белелюбского, под руководством начальника управления строительства С. Ольшевского.

Амударьинский мост являлся тогда первым по длине в России, третьим в мире. Его строительство обошлось в 3 млн. 468 тыс. рублей. Кроме того, 1 млн. 385 тыс. рублей было израсходовано на укрепление берегов реки.

Строительные материалы для сооружения этого гиганта доставлялись из различных регионов России, а также из-за границы через посредство русских фирм.

Строительство железнодорожного моста через Амударью вызвало приток в Новый Чарджуй большого количества рабочих — до 3 тыс. человек. Таким образом, мост являлся одним из важных факторов роста

города. Хотя давно возникла необходимость строительства аналогичного моста в городе Керки, автомобильных и пешеходных мостов через Амударью, при Советском режиме, эти задачи не были разрешены, так как они могли служить интересам местного населения, а не центра. Уверенные шаги независимого Туркменистана вселяют надежду разрешить эти задачи без особых затруднений.

Р. Г. МУРАДОВ
(Ашгабат)

**Новый Чарджуй: планировка и застройка города
в конце XIX—начале XX веков**

Древний Амуйль связан с нынешним административным центром велаята лишь отчасти: территориальная близость еще не значит преемственности городской культуры. Это два совершенно разных типа поселений. Одно формировалось на протяжении веков по своим внутренним законам и пришло в упадок ко времени возникновения другого, положившего начало современному городу.

Новый Чарджуй, как его называли сто лет назад, возник в 1882—1885 годах в связи со строительством Закаспийской железной дороги. Сначала он представлял собой возведенное генералом М. Н. Анненковым военное укрепление и поселок строительных рабочих в узкой полосе вдоль железной дороги, что, собственно, и предопределило развитие города по обеим сторонам магистрали. К ней была привязана прямоугольная сетка улиц, в общих чертах сохранившаяся и сегодня. Выгодное расположение Чарджуя на пересечении двух транспортных путей — наземного и речного — способствовало его форсированному росту как торговой фактории. В 1887 г. здесь уже имелось 25 кварталов, а ширина улиц составляла 13 сажень (27,8 м). В 90-е годы наблюдался спад строительной активности, обусловленный неопределенностью его административного подчинения. Это дало основания Чарджию некоторое время считать себя вольным городом.

Лишь в первом десятилетии XX века началась интенсивная застройка на основе предписанной регулярным планом градостроительной дисциплины. Появились многочисленные торговые заведения, церкви, отделения банков, гимназии, казармы, здания депо и амударьинской флотилии.

Как и в других городах Туркестанского края, в Чарджуе доминировал тип одноэтажных линейных домов с отдельными входами в каждую квартиру. Зачастую комнаты располагались в один ряд с выходом на устроенную со стороны двора крытую террасу. Такие дома группировались по периметру квартала, почти вплотную друг к другу, на красной линии улицы, образуя непрерывный фронт парадных фасадов. Проезд в озелененный двор осуществлялся обычно через подворотно.

При фронтальной застройке кварталов дома воспринимаются лишь как плоскость в пространстве улицы, поэтому большое внимание уделялось художественной обработке уличных фасадов. Когда здания возводились на угловых или «островных» участках, проектировщики, как правило, использовали такие выразительные средства, как пластичность и силуэтность, способствуя усилению градостроительной роли сооружений. В отделке фасадов наряду с кирпичной фактурой широко применялось бутафорное декорирование штукатурных стен.

На протяжении всего рассматриваемого периода русская, а точнее, европейская часть города практически во всем противостояла его азиатской части. В последней ее оставались ремесленные и строительные традиции средневековья, а структура поселения, живущего по законам родовой общины, развивалась спонтанно и никак не влияла на новый город — порождение не только другой национальной культуры, но и иной общественно-экономической формации.

Колонисты диетализировались от старого города еще при закладке военного укрепления прежде всего по соображениям безопасности. Но по большому счету разрыв между двумя населенными пунктами был обусловлен их полнейшей культурной неадекватностью. Доминирование европейского менталитета Нового Чарджуя не ослабляло даже наличие сильной купеческой

прослойки персов-шинтов, выступивших заказчиками таких значительных построек в ориентальном стиле, как мечеть (ныне историко-краеведческий музей), торговый дом Хаджи Малика (ныне завод «Кристалл»).

Политика «мягкой» колонизации, проводимая Россией, предусматривала сохранение административно-хозяйственной автономии коренного населения, поэтому тогда не было никаких попыток реконструкции так называемой туземной части города, сознательного уничтожения древних построек или их модернизации. Этот деструктивный процесс охватил город лишь в последующие десятилетия и закончился распадом многовековой средовой системы Амуля.

О. А. ХАДЖИЕВА (Ашгабат)

Вопросы реконструкции города Чарджуя в 1930 году.

Для развития среднеазиатских городов в 20-е годы немаловажное значение имел разработанный строительной секцией Госплана СССР перспективный план гражданского строительства в Средней Азии на 1926—1931 гг.

На повестке дня советского градостроительства стояли вопросы социалистической реконструкции городов, социалистического расселения. Коснулись они и Среднеазиатского региона, для городов которого надлежало найти свои пути пространственной организации, а не механически переносить тип «планирования европейского города в условиях Средней Азии». В связи с этим возрастает интерес к исторической архитектуре Средней Азии, ведутся поиски жилища нового типа.

Проведенный в 1930 году конкурс на проект планировки и застройки города Чарджуя конкретизировал идеи создания нового среднеазиатского города.

В конкурсе участвовали различные объединения московских архитекторов: АРУ (В. Калмыков, А. Гриншпун), ВОПРА (Балян, Бабуров, Заславский, Кычаков, Фافель), САСС (М. Кузнецов, Н. Красильников, С. Кибирев, Егорочев). Проект комплекса пра-

вительственных зданий был выполнен О. Хигером, В. Вороновым, проект парка культуры и отдыха в районе старой крепости — В. Соколовым.

Город проектировался с расчетом на статус столицы Туркменской республики, центра общественно-политической и культурной жизни всего края,¹ что определило характер его планировочной структуры. Специфика бытовых и климатических условий повлияли во всех проектах на подход как к планировке города так и к типам жилья. Чрезвычайно ценным во всех проектах был подход к планировке жилых районов, к озеленению, к разработке домов нового социалистического типа (жилкомбинаты из стандартных жилых ячеек кустовой застройки).

Эти проекты были далеки от реальности, конечно, строить на основе этих проектов нельзя было, с одной стороны, сама проблема социалистического города в то время была достаточно сырой и неясной. С другой стороны организаторы конкурса не дали проектировщикам достаточно верный топографический, экономический и другой необходимый материал.

Тем не менее планировка нового Чарджуя была итогом небольшого, но плодотворного опыта советских архитекторов — теоретиков и практиков, размышлявших над сложением национальной архитектуры народов СССР. В частности опыт этого конкурса в подходе к озеленению и в поисках новых решений жилых районов повлиял на работы, в дальнейшем градостроителей Средней Азии.

Л. БАБАЕВА (Ашгабат)

Ткачество и кошмовалье у туркмен долины Средней Амударьи.

Народное декоративное искусство туркмен долины Средней Амударьи до сих пор мало привлекало внимания исследователей. Между тем многие его отрас-

¹ — ЦГА ТССР, ф. 309, оп. 3, д. 215, л. 25.

ли имеют древние традиции и представляют большой историко-этнографический интерес. Материалы по отдельным его видам, при сопоставлении с историческими и этнографическими, служат свидетельством древности и самобытности культуры исследуемого населения. Вместе с тем они имеют немаловажное значение и для освещения проблемы этногенеза туркменского народа.

В условиях натурального и полунатурального хозяйства туркмен каждая семья вырабатывала из сырья своего хозяйства нужные предметы для хозяйственного обихода. В быту туркмен, как и других народов Средней Азии широко использовались различные ковровые изделия. Они в зависимости от достатка семьи украшали жилище, особенно юрту. По решетчатым стенкам (терим) юрты развешивали ковровые чучалы и торбы с большими кистями, а также различной ширины декоративные дорожки. Узорными дорожками и тесьмой скрепляли деревянный остов юрты, а также опоясывали снаружи ее войлочное покрытие. Пол жилища покрывали паласами или коврами. Кроме переметных сумок-хурджуков, в быту туркмен широко использовались различные по размеру, качеству и назначению торбочки для посуды (чанак гап), ложек (чемче гап), соли (дузхалта), а в прошлом ковровые изделия служили украшением верблюда в свадебном караване, увозившем невесту в дом жениха.

Ткали ковры и ковровые изделия на обычных горизонтальных станках. Технические приемы и немногочисленный инструментальный ковроплет долины Средней Амударьи не отличались от общетуркменских.

Кроме ворсовых орнаментированных ковров туркменки вырабатывали комбинированные изделия (чучалы, хурджумы); в последних поочередно с ворсовыми повторялись безворсовые полоски, выполненные техникой «сармак». Особенность и техника выработки орнаментированных безворсовых изделий—паласов, торб и т. д. заключались в обмотке нитей основы плотной пряжей, подбираемой соответственно узору.

Безворсовое ткачество хотя и было широко распространено по всей долине Амударьи, однако в южных районах оно преобладало в значительной степени.

А туркмен-эрсари, эски, мукры, хатаб и некоторых

других племен паласы были несшивные, их ткали нужной ширины и длины. В районах же расселения туркмен-баят, хыдыр-эли, а также узбеков-кунграт паласы ткали отдельными полосами шириной 30—35 см, а затем их соединяли, настилая гладь белыми и черными шерстяными нитками. Довольно значительно разнился и тип орнаментики этих изделий. Так у туркмен северных районов и узбеков-кунграт, обычно орнамент паласов состоял из чередующихся полосок шириной 4—5 см. Безворсовые изделия у эрсари, эски и многих других туркменских племен обитавших в долине Средней Амударьи были орнаментированы различными характерными для туркменского народного искусства стилизованными геометрическими фигурами и ступенчатым рисунком.

Войлочные изделия издавна имели важное значение в быту туркмен Средней Амударьи, как и других районов Туркменистана. Поэтому их производство получило широкое распространение. Кошмы валяли для своих нужд почти в каждой семье. Войлоками покрывали остов юрты, их расстилали в жилищах на земляной пол; из войлока делали потники (дерлик) и попоны для лошадей (жул), из них шили для зимы изкидки-халаты (ойлук) для пастухов, которые обычно покрывали домотканной материей из верблюжьей шерсти.

Войлочное производство в XIX в. в сравнении с другими видами ремесел было наиболее распространено и развито. Объяснялось это тем, что шерсть была довольно доступным сырьем, а войлочная юрта (гара ой) бытовала повсеместно среди туркмен. Потребность в войлоке из-за быстрого его износа под влиянием ветров, дождей и частых перекочевков была очень большой. Войлок был необходимым и тогда, когда хозяину семьи приходилось выделять своих взрослых сыновей в отдельные хозяйства и обеспечивать их отдельными юртами.

Производство узорных кошм туркменки Средней Амударьи восприняли от туркменок Мургаба и других районов и только в последние десятилетия стали изготавливать орнаментированные кошмы с вкатанными цветными узорами. Такие кошмы ныне встречаются почти в каждой туркменской семье.

Сравнительный анализ изделий прикладного искусства туркмен долины Средней Амударьи и других районов Туркменистана позволил выявить не только общетуркменские черты, но и многие особенности характерные для отдельных локальных групп туркмен. Общие черты были обусловлены хозяйственными, культурными и этническими связями, развивавшимися на протяжении многих веков. Наиболее тесный контакт туркмен южных районов долины Средней Амударьи прослеживается прежде всего с туркменами Мургаба, реже Хорасана, Хорезма. Для туркмен северной долины Средней Амударьи в большей степени характерна общность с населением Бухары, нежели с туркменами южных приамударьинских районов.

А. ОРАЗОВ (Ашгабат)

Традиционный большой праздник «Гонаклы той» и связанные с ним игры у туркмен Лебапа.

Этнографическое изучение традиционных туркменских народных праздников, игр и развлечений приобретает в наши дни важное значение, когда в независимом Туркменистане претворяется в жизнь политика национального возрождения туркменского народа. С этой точки зрения рассматриваемая тема, посвященная бытовавшему в конце XIX — начале XX вв. у туркмен-эрсаринцев и гаркынов Лебапского ваята большому празднику «Улы той», получившего известность среди местного населения как «овлаклы той» или «гонаклы той», представляет особую актуальность. Этот праздник сопровождался древними народными конными играми «овлак», скачками «пыга», борьбой палванов «гореш» и др.

В рассматриваемый период основная масса туркмен-эрсары и гаркынов проживала в Керкинском и Чарджоуском бекствах Бухарского ханства. Эрсаринцы расселялись в современных Гарабекевильском, Халацском, Керкинском, Ходжамбазском этрапах, а турк-

мены гаркыны жили компактно в Керкинском и Саятском этрапах.

Большие праздники «гонаклы той» устраивались только крупными байскими хозяйствами (келде байлар), так как это было связано большими расходами. Его устраивали, как правило, в честь рождения сына «огул тойы», обрезания сына «суннет тойы» и др. Что касается свадьбы и прочих семейных праздников, то в них не было принято устраивать большой той совлаком.

В отличие от обычных семейных праздников на тое с овлаком взаимно обменялись гостями «гонак» от 10 и 15 всадников из числа баев со всех мест Лебапского ваята.

Большие праздники «гонаклы той» проводились, как правило, в зимнее время (чаще в ноябре), когда завершались все сельскохозяйственные работы. При этом конная игра овлак проводилась обычно на краю песков (этэк гум), что находилось к югу от аула. Игра начиналась обычно с утра, в 8—10 часов. В качестве овлака было принято использовать молодого бычка (жуваначар хожек) весом 40 кг или большого некастрированного козла (серке). Конные игры с овлаком проводились в течение 5—6 дней, причем в каждый день разыгрывалось 25—30 призов. Победителям в игре овлак вручался приз. Кто в последний раз отнял овлак «ахыр овдак», то он брал его с собой домой и устраивал из мяса хожка угощение, пригласив 20—30 всадников. Если «ахыр овлак» отнял кто-либо из числа гостей, то он согласно обычаю относил его в дом своего хозяина. Это считалось большой честью для хозяина.

Игра овлак завершалась обычно проведением в последний день конных скачек, называемых «пыга». В этих скачках обычаем допускалось участвовать всем принимавшим в игре овлак участие коням, за исключением того, который отнял «ахыр овлак». Состязание порой проводилось также, как и игра овлак на краю песков между двумя командами (группами): Улыдепе (Керки) и Кинидеде (Халач). С каждой команды специально выделенным человеком (жулавчи) — уздечник

отпускался один конь. Кто первым пришел к финишу «пыга башы» получал приз. Затем отпускалась следующая пара коней и это продолжалось до конца скачек.

После окончания скачек пыга по традиции проводилась борьба «гореш». Состязание проходила также, как и на скачках, между палванами двух команд — Улыдепе (Керки) и Кичидеде (Халач). У туркмен Лебаба, в отличие от южных и западных групп туркмен, назначались 2—3 судьи из числа старших палванов, называемые «бекевул». Для вызова палванов на поединок одним из бекевулей ставился на посередине площадки табак (деревянная миска) с сахаром или конфетами). Первый табак, называемый «палван табагы» или «озал табак» и последний табак — «ахыр табак» предназначались главным палванам «баш палван». На эти персональные табаки, кроме главных палванов другие не имели право выходить на площадку. Что касается последующих табаков, называемых «ортакы табак» (средние табаки), то по обычаю могли выходить все желающие палваны, кроме главных. Победителям в борьбе «гореш» вручался приз.

После окончания борьбы «гореш» всех участников торжества приглашали на праздничное угощение, устраиваемое на следующий день в доме хозяина торжества. Для этого готовилось 20—30 казанов плова (по 16 кг риса в каждом). Причем приглашение на «душек» (стол) происходило дифференцированно в зависимости от племени, степени почта и родства по отношению хозяина торжества. Однако баш всех племенных подразделений сидели отдельно от остальных мужчины вместе на одном душке, называемом «яшулы душек». Он считался головным душком «баш душек» и по традиции трапеза подавалась ему в первую очередь. Затем ее подавали другим душкам.

Таким образом, рассмотренные традиционные праздники и связанные с ними народные военно-спортивные конные игры, хотя и забыты сегодня народом, представляет важный научный и практический интерес. С одной стороны, это свидетельствует о наличии значительной социальной и имущественной дифференциации среди туркменского населения Лебаба в рассматриваемый период. С другой стороны, созданные нашими

предками весьма интересные и своеобразные военно-спортивные конные и другие игры, являясь частью народной культуры, заслуживает дальнейшего всестороннего изучения и практического возрождения.

(Москва)

Н. А. ДУБОВА

Сложение населения Лебапского ваялата по данным антропологии современного населения

Для изучения истории сложения населения региона традиционно привлекаются данные лишь по палеоантропологии. Анализ особенностей физического облика современного населения тем не менее может дать важные сведения об этом процессе.

В Лебапском ваялате в 1975 году автором было исследовано антропологически население аулов Олам и Элеч Ходжамбазского этрапа, а в 1986 году автором совместно с ведущим сотрудником Института истории АН Туркменистана О. Бабаковым изучалось население райцентра Гарабекевул.

Черты и размеры головы и лица трех групп сильно различаются. Население аула Олам отличается от двух других групп брахикефалией, более низким и узким лицом и имеет специфический нежифференцируемый, а также «нейтральный» западный одонтологический комплекс признаков. Наиболее крупные размеры и головы и лица имеют жители аула Элеч, у них наиболее ярко из всех обследованных туркмен выражен восточный одонтологический комплекс, монголоидные описательные особенности. Для Элеч характерна очень массивная нижняя челюсть, что также отмечено было еще для черепов из неолитического могильника Тумек-Кичиджик, принадлежащего носителям кельтеминарской культуры (Яблонский, 1986). Элечанцы выделяются наиболее сильным ростом бороды и наименьшей частотой исения черных волос, но такими же черными глазами, как и жители аула Олам, наименьшей частотой эпикантуса.

Сравнение этих групп с туркменами других регионов, с другими народами Средней Азии, анализ взаимосвязей признаков показывает, что в состав туркмен Лебапского ваята вошло не менее 3-х антропологических компонентов. В очень незначительной степени выражены признаки древнего антропологического типа, который был характерен еще для неолитического населения (восточносредиземноморской грацильный или закаспийский). В обследованном населении Лебапского ваята сильнее, чем в южных регионах Туркменистана выражены два антропологических компонента, свойственные двум различным кочевым волнам: более ранней — массивной европеоидной и более поздней очень массивной монголоидной. Не исключено, что в сложении населения этого региона приняли участие другие монголоидные варианты.

СОДЕРЖАНИЕ

Юсупова Т. А. Основные вопросы и проблемы сохранения, изучения и использования исторического наследия Лебапского ваята	3
Массон В. М. Древний Амуль — столица Среднеамударьинского региона	7
Ставицкий Б. Я. Амударья — граница или стержень древних историко-культурных областей Средней Азии	14
Бурханов А. А. Область Амуля. Древность и раннее средневековье (К проблеме контактных зон и историко-культурных связей)	15
Бадер А. И., Гаибов В. А., Кошелев Г. А. Новое свидетельство письменных источников о Средней Амударье	18
Сопыев А. С., Бурханов А. А., Оразов Ч. О. Область Амуля. История археологического изучения	20
Заднепровский Ю. А. Поселения древнего и средневекового периодов Средней Амударьи (Амуля): итоги и перспективы исследований	24
Бурханов А. А., Оразов О. Городище Амуль—Чарджуй. Проблемы изучения, сохранения и использования	26
Радиловский В. В. Роль энергетического потенциала в формировании социально-пространственных структур в древности	31
Бурханов А. А. К вопросу изучения сооружений храмово-культовой архитектуры с округлой планировкой на Востоке. (По материалам Хазарек-депе).	34
Байпаков К. М., Шарденова З. Ж. Ранняя мусульманская архитектура на Сырдарье	37
Ковалева Н. А. К северу и к югу от Амуля: древняя стенная живопись на Амударье. (Некоторые технико-технологические и стилистические особенности стеновых росписей в интерьерах памятников Хорезма и Бактрии)	39

Яценко С. А. Характерные черты кушанского мужского костюма II—III вв. н. э.	42
Мешкерис В. А. Значение терракот северо-западной Бактрии в изучении общих закономерностей развития и локализации среднеазиатской керамики	44
Берзина С. Я. По дороге через Чарджев. Геммы из Мерва и Бухары	48
Симпсон С. Дж., Хоббс Р., Логинов С. От Рима до Чарджева и Китая: находки византийских монет на Востоке	49
Бабаков О., Гельдыева Г. К палеонтологическим Лебапского вельята	50
Бурханов А. А., Кулиев А. К. Археологические работы в Чарджевском оазисе весной 1993 года. (Предварительные результаты)	51
Дурдыев Дж., Хамракулыев С. К вопросу о местонахождении средневекового города Земм	53
Пугаченкова Г. А. Ховлы Чарджевского оазиса	54
Атдаев С. Д. Туркмены Среднего течения Амударьи в эпоху Надир-шаха	57
Хатамов Дж. А. К истории строительства Амударьинского железнодорожного моста	60
Мурадов Р. Г. Новый Чарджуй: планировка и застройка города в конце XIX—начале XX веков	62
Хаджиева О. А. Вопросы реконструкции города Чарджуй в 1930 году	64
Бабасва Л. Ткачество и ковмоделание у туркмен долины Средней Амударьи	65
Оразов А. О. Традиционный большой праздник «гонаклы той» и связанные с ним игры у туркмен Лебапа	68
Дубова Н. А. Сложение населения Лебапского вельята по данным антропологии современного населения	71

ДРЕВНИЙ АМУЛЬ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АМУДАРЬИ

Тезисы

докладов Международного научного симпозиума

Печатается по заказу

Управления культуры Лебапского вельята

Редакторы: Т. Юсупова, А. Бурханов,
Корректор: Л. Большакова.

www.tabarestan.info
تبرستان

ИП 01452.

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. лист 4,2. Заказ № 5215. Тираж 200.

Лебапская велаятская типография

Государственного комитета Туркменистана по печати.
ш. Чарджев, пр. С. Ниязова, 18.